

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО С ЛОПАТИНЫМ (1909 г.)

Публикация С. С. Зиминой, комментарии Н. И. Дикущиной

На протяжении многих лет К. П. Пятницкий вел дневник, тетради которого хранятся в АГ, в фонде К. П. Пятницкого. Дневник этот является драгоценным источником для изучения биографии Горького. Особый интерес представляют разделы дневника, относящиеся к пребыванию Пятницкого на Капри.

В один из своих приездов на Капри, осенью — зимой 1909 г., Пятницкий стал свидетелем первой встречи Горького с Лопатиным. Позже он писал, что много читал и слышал о Лопатине, поэтому с нетерпением ждал его приезда и «заранее решил заносить его рассказы с возможной точностью в свой дневник» (см. ниже «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри»).

Свое намерение Пятницкий добросовестно выполнил, и его дневниковые записи о приезде Лопатина к Горькому, переросшие позже в очерк, — важнейшие свидетельства для характеристики отношений Горького и Лопатина; в них содержатся также интересные материалы к биографии Лопатина.

Записи Пятницкого о приезде Лопатина имеют свои особенности. Первоначально Пятницкий с 26 по 30 ноября (с 9 по 13 декабря) 1909 г. день за днем скрупулезно, в обычной своей лапидарной манере, одной фразой, порой даже одним словом заносил в дневник все факты, относящиеся к пребыванию Лопатина на Капри: встречи его с каприйцами, прогулки по острову и главным образом беседы и рассказы Лопатина и Горького.

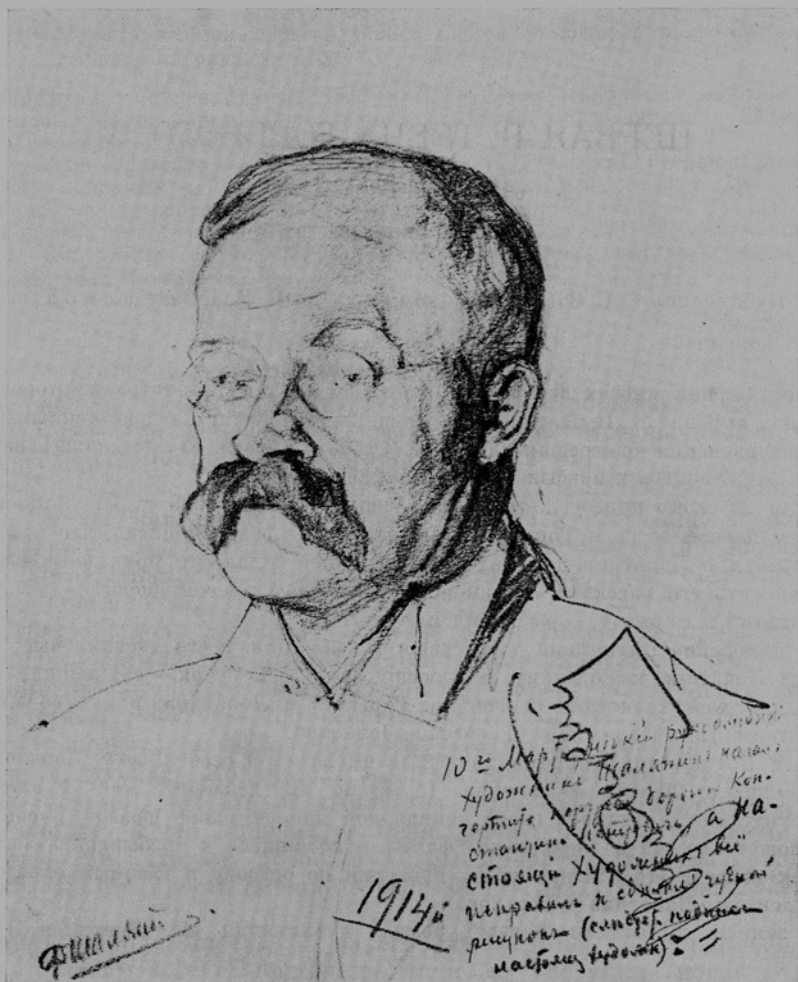
Эти записи составляют первый раздел публикации «Из Дневника Пятницкого».

Но одновременно с каждодневными записями Пятницкий делал и другие: он расширял свои первоначальные заметки о беседах с Лопатиным. Так в дневнике появился особый раздел, названный Пятницким «Рассказы Лопатина», который писался, по всей вероятности, на отдельных листах и позже был вшит в дневник. В первых записях темы рассказов Лопатина только названы: «О трех наиболее блестящих собеседниках — Зинин, Герцен, Маркс», «Беседа с Дурново», «Беседа с Д. А. Толстым», «Суд. Настроение. Речь», «Запугивание», «Казнь Каракозова» и пр. Теперь почти каждая тема обростала фактами, становилась именно рассказом.

В этом разделе Пятницкий в целом не нарушал временной последовательности, зафиксированной в дневнике. Исключение сделано при изложении истории трех побегов Лопатина, естественно занявших здесь центральное место. Дело в том, что Лопатин рассказал сначала (27 ноября / 10 декабря) о первом и третьем побегах и только в ночь с 29 на 30 ноября / с 12 на 13 декабря — о втором. Пятницкий, сохранив даты рассказов, построил их в логической последовательности.

К сожалению, не все обозначенные в дневнике темы оказались «расшифрованными». Но и то, что было сделано Пятницким в 1909 г., представляет большой интерес, так как в этих двух разделах «Из Дневника Пятницкого» запечатлена и внешняя канва событий, связанных с первым приездом Лопатина на Капри, своего рода «хроника» пребывания Лопатина в гостях у Горького, и рассказы Лопатина, часть которых до настоящего времени оставалась неизвестной.

В 30-е годы Пятницкий, возможно перечитывая дневник, вновь вернулся к первой встрече Горького и Лопатина и на основе дневника написал очерк «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри. Отрывки из дневника». Как свидетельствуют

К. П. ПЯТНИЦКИЙ

Рисунок Ф. И. Шалапина и И. И. Бродского, 1914 (бумага, карандаш). Под изображением внизу слева подпись: «Ф. Шалапин». Справа его рукой текст: «10-го марта, некий рукоблудный художник Шалапин начал чертить портрет дорогого Константина Петровича, а настоящий художник все исправил и сделал чудный рисунок (следует подписать настоящ(его) художн(ика)»). Далее подпись Бродского и дата: «1914-й». Вложен в лист писчей бумаги с надписью Пятницкого: «Рис. Ф. Ив. Шалапина»

Музей Горького, Москва

документы, хранящиеся в АГ, в 1935 г. Пятницкий отправил рукопись очерка в редакцию журнала «Каторга и ссылка», однако очерк был ему возвращен, и рукопись поступила в АГ с другими материалами архива Пятницкого. Известно, что Горький этот очерк не читал.

В очерке Пятницкий сохранил форму дневниковых записей. Повествование о событиях каждого дня совпадает с ранними записями, но материал значительно расширился, появились новые подробности и новая манера изложения. Если в дневнике 1909 г. авторское начало почти отсутствовало, то в очерке Пятницкий дал своего рода введение, в котором рассказал о своем знакомстве с Лопатиным, охарактеризовал Лопатина как личность, в которой «гармонически соединились такие дарования и особенности, какие редко встречаются вместе в одном человеке: громадная физическая сила, блестящие умственные способности, большие знания и целый ряд волевых качеств — предприимчивость, беззаветная смелость, хладнокро-

вие и находчивость в опасные моменты» (см. ниже «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри...»).

Не нарушая хронологической канвы записанных ранее событий (исключение сделано и здесь для истории трех побегов), Пятницкий все же несколько «беллетризировал», сделав это, впрочем, достаточно тактично. Рассказы Лопатина значительно расширены. Это заметно даже при беглом сопоставлении дневника и очерка. Так, рассказ о втором побеге начинается в очерке со знакомства Лопатина с генерал-губернатором Восточной Сибири Синельниковым, чего нет в дневнике, подробнее описан путь Лопатина через Ангарские пороги, объемнее стал рассказ о Марксе и т. п.

«Беллетризация» коснулась не только рассказов Лопатина. Пятницкий ввел в повествование некоторые подробности, связанные непосредственно с пребыванием Лопатина на Капри, как бы учитывая будущего читателя, незнакомого с достопримечательностями острова. Так, в дневнике 1909 г. сказано: «27 ноября. Все утро Л(опатин) прогулял с Зиновием». В очерке дается описание Голубого грота, куда отправился Лопатин, от лица Лопатина разъяснены причины образования «этого необыкновенного явления» природы. Запись от 28 ноября: «Оказывается, Л(опатин) побыл с Зин(овием) на Тиберии» — в очерке «обрастает» историческими сведениями о горе Тиберия, дворце императора Августа, императоре Тиберии и пр. Коротенькая заметка: «Идем по *via Cruppa*...» — превращается в историю создания этой дороги «пушечным королем» Фридрихом Круппом.

Таким образом, очерк Пятницкого соединяет в себе факты двух первых дневниковых записей, сделанных непосредственно, «по горячим следам», и новый текст от автора.

Естественно, что большую документальную ценность имеют записи 1909 г.

Ниже публикуются два раздела: «Из Дневника Пятницкого» и как приложение к ним — очерк «Г. А. Лопатин в гостях у Горького на Капри. Отрывки из дневника».

ИЗ ДНЕВНИКА К. П. ПЯТНИЦКОГО

I

26 ноября (9 декабря) 1909

⟨...⟩ К обеду приезжает Лоп(атин). До чаю он с учениками¹.

Вечером рассказывает о двух моментах жизни, когда испытал страх.

27 ноября (10 декабря)

⟨...⟩ Все утро Л(опатин) прогулял с Зиновием².

После завтрака просит прочесть вслух «Окуров». Идут с Горьким в кабинет ⟨...⟩

Иду слушать чтение. Вечереет. Серое море с серебристым разливом вокруг Искии ⟨...⟩

Расспрашиваю Лоп(атина) об его силе ⟨...⟩

После обеда навожу Лоп(атина) на рассказы об его побегах: планы освобождения Чернышевского. Жизнь в Иркуте. Первый побег. — Третий побег — на лошади³.

28 ноября (11 декабря). Суббота

Встал поздно.

Оказывается, Л(опатин) побывал с Зин(овием) на Тиберии, смотрел тарантеллу.

После завтрака М(ария) Ф(едоровна) предлагает посетить Джиованни⁴.

Идем по *via Cruppa*, моросит едва заметный дождик.

Лоп(атин) говорит о трех наиболее блестящих собеседниках, которых знал в жизни: Зинин⁵ — Герцен⁶ — Маркс⁷.

Об Энгельсе, Бакуanine⁸, Салтыкове⁹, Успенском¹⁰.

Тургенев о Чернышевском ⟨...⟩¹¹

Идем все в кинематограф: «Мазаниелло». «Савойская кавалерия».

ГОРЬКИЙ, Г. А. ЛОПАТИН, Л. Н. СТАРК И НЕИЗВЕСТНЫЙ ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ

Фотография Ю. А. Желябужского, Капри, 9—13 декабря 1909 г.

Музей Горького, Москва

После чаю — рассказы Л(опатина) до 4 ч. ночи:

Беседа с Дурново ¹².

Беседа с Д. А. Толстым ¹³.

Суд. Настроение. Речь.

Запугивание.

Первое время в Шлиссельб(урге) ¹⁴. Визит Дурново. Дондукова—Корсакова ¹⁵.

Казнь Каракозова ¹⁶.

Рассказ Горького о первых годах писательства.

На Грязе-Цариц(ынской) дороге.

Пешком в Ясную Поляну, в Москву.

В Нижнем у Каровина.

Прогулки с Каровиным.

Пешком по России.

Вывод в Кандыбовке.

Бунт в Майкопе.

Искушение в Петлянской. В Тифлисе. Жизнь с Калужным. Служба.

Первый рассказ в 1892.

Опять в Нижнем. «Челкаш» у Короленко.

Самара.

29 ноября (12 декабря). Воскр(есенье)

Ветер. Дождь. Сумрак.

Встал к завтраку. Приехал Буренин. Парохода не будет.

После завтрака Лоп(атина) отзывают ученики — рассказать им о Марксе.

Чай без него.

Начинаю говорить М(арии) Ф(едоровне), что в Пет(ербурге) могут арестовать

— Могу судить только я...

Г. А. ЛОПАТИН. ОТЪЕЗД С КАПРИ

Фотография Н. Е. Буренина. 13 декабря 1909 г.

Музей Горького, Москва

Горький: — Ты со мной говори, не с ним...

Уводит в кабинет.

Остаемся с Бурениным.

Потом сидим в библиотечке. Буренин играет Грига.

6 ч. Возвращается Лопатин. Пишу письмо № 52.

После обеда.

Лопатин требует хора:

«Солнце всходит...»

Заставляет М. Ф. петь.

Горький с Лопатиным говорят о Лескове, Крестовском, Лермонтове, «Матери»,

Гете.

Овсянко-Куликовский. — Потелня.

Только около 1 ч. ночи мне удалось перевести разговор на побег в лодке.

Рассказы до 2½ ч. н.

30 ноября. (13 декабря). Понедельник

Ветер стих. Ясный день.

До завтрака пишу дневник. В 12½ поднялся. Лопатин рассказывает, как взяли его с женой.

Завтрак.

Прощанье. М. Ф. целует. А. М. зовет еще: «Встречу, как отца». Я не сказал бы так.

Еду в лодке до парохода. Говорю о «Записках»: увидят человека.

Обнимаю на прощанье:

— Уважаю Вас.

II

РАССКАЗЫ ЛОПАТИНА

26 ноября (9 декабря), после вечернего чаю

ДВА СЛУЧАЯ

Два раза в жизни испытал страх.

Первый в среднеазиатских степях.

Сослали в Ташкент¹⁷. Потребовали залог в 50 000 р., чтобы оставить на свободе. Деньги были внесены. Двинулись целым караваном: верблюды, скот. Останавливались у воды. При мне — сын четырех лет¹⁸. Его гувернантка Адель. Где вода — купал.

Урочище — «Тысяча ключей». Известковые чашки. Колодцы в виде трубы с черной, но прозрачной водой. Обвязываю сына азиатским узлом и бросаю в колодец. Пошел вниз. Тяну веревку — слабо. Тяну еще — вся всплывает на поверхность: соскользнула с тела.

Несколько секунд ужаса.

Бросаюсь в колодец вниз головой. Глубже. Глубже. Еще. Под руками тельце. Дна еще нет. Как повернуться? Удалось.

Выговор мальчику...

Второй — в Пет(ербурге), в 1884 г., при последнем аресте¹⁹.

Перехожу Невский. Какие-то чуйки бегут и кричат: «Господин, стойте, господин!..» Жду. Мгновенно хватают: один правую, другой левую руку; третий охватил сзади.

Подняли на воздух. На извозчика. Двое садятся с боков. — «В канцелярию градоначальника».

Вспоминаю, что в левом кармане список лиц с адресами.

Ужас. Полное бессилие.

Оправился. Думаю. Решил сделать попытку под аркою Каз(анского) собора. Повернули на Казанскую.

Одной рукой швыряю левого. Всем телом, боком наваливаюсь на правого и держу рукой за горло. Свободной рукой достаю пакет и — в рот. Трудно. Он завернут в александрийскую бумагу.

Позабыл, что на втором извозчике едут еще двое.

Перегибают назад с такой силой, что чуть не сломали спину. Голова у колес. Сжали горло, вырвали бумагу изо рта. Обморок. Везут по Казанской. Крик. Толпа, готовая вступиться. Городовой. Сыщик — карточку. Толпу разгоняют.

Юноша в очках, бегущий за пролеткой.

— Если студент, говорите, что Лопатина взяли с адресами. Бегите...

Студента тоже арестуют. Хочется умереть.

27 ноября (10 декабря). Вечером

ИРКУТСК

Планы освобождения Чернышевского:

Натуралист Ник. Николаевич, приехавший изучать край. Удостоверение от местного о-ва естествоиспытателей. Заседания о-ва.

Уговор с торговцем.

Собачья почта от Якутска до Охотска.

Жандармский офицер с 2 жандармами.

Бумаги: от местного губернатора — исправнику; от генерал-губернатора²⁰; от штаба жанд(армского) корпуса.

Помешал Ровинский.

Телеграммы из Пет(ербурга): по сведениям из Женевы, в Иркутске проживает лицо, подготовляющее побег Чернышевского.

Арестовали.

Держат при жандармском управлении.

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ

Бегу. Солдат надгоняет. Задохнулся. Остановился и кричу: сдаюсь. Солдат прикладывается и целится. Стреляет. Осечка, предохранительный пистон. Лезет в карман за настоящим и второпях роняет. Я успокоился. Хочет колотить. Кричу: не подходи. Оба боимся. Стараюсь выиграть время, потому что слышу топот подбегающих.

Идем. Но солдата не подпускаю. Он жалобно просит: «Ведь отвечать буду, позвольте»... — «Не позволю»... Окружили всадники. Дежурный жандарм хочет пристрелить, — забыл револьвер. Замахивается саблей, — хватаю за бороду.

Побег не удался. Схватка с «Риском».

Перевели в острог.

Ввели во двор; кругом недавно выбеленные здания.

Арестант, пробежавший мимо, подхватил этот изумленный взгляд, и поет на бегу:

«Забелели милого каменны палаты». Посадили.

Передают подарок от «малой каторги»: платок с тремя булками.

К чаю записка: «А ежели вздумаете бежать, то лучше через церковь, и у нас есть женское платье...»

В конце концов выпустили и оставили под наблюдением на свободе.

29 ноября* (12 декабря), 1—2½ ч. ночи

ВТОРОЙ ПОБЕГ

Служит за 30 р. Живет с д-ром Ильиным. Знакомство среди полицейских чиновников. Пирушки.

Обещание предупредить, если из Пет(ербурга) придет приказ об аресте.

План — бежать в лодке Ангарой. Покупка лодки у ссыльного финна. Предупреждение.

В 2 ч. ночи отплывает. 7-е августа 1872.

К утру отъехал верст на 60. Прячется около острова от встречного парохода. Сделавши верст 600, подъезжает к порогам. Первый — Пьяный, второй — Похмельный. Почему?

«Средние ворота», «береговые ворота». Подъезжает к селу выше Пьяного. Толпа. — Что нужно? — Вождя. — На чем едешь? — Вот лодка. — На этом чумане никто не возьмется.

Все отказываются.

Называют Егора Коровина. Пьет запоем.

— Где найти? — В кабаке.

Хозяйка 40-летняя полька, красавица.

Егор берется за 1 р. 50 и полштоф. Подъезжают к Пьяному. Шум как от стада быков.

— Брось грести! — Почему? — В пороге испугаешься, ложись лицом вниз.

Гребет.

Порог. Водяные горы. Лодка летит.

Похмельный.

Отдых на островке. Полштоф выпит. Егор охмелел, дремлет.

Приближается «Бык».

Лодка царапнула камень. Л(опатин) круто выругался. Егор протирает глаза. Взглянул — и на лице ужас.

Время объехать порог пропущено. Лодка уже среди порога.

Мгновенно отрезвел. Орел.

Проехавши крестится: «Слава те, господи; чуть две души не загубил...»

Отпускает Егора.

Дальше будет «Падун».

Егор советует взять Федора Царапку, колдуна. — Найдешь на острове.

* Хронологическая последовательность повествования нарушена автором (ред.).

Остров. Отделяется стружок.

Л(опатин) подъезжает.

— Куда едешь? — в село.

— Кого надо? — Царапку.

— Зачем? — Воздем.

— Я и есть Царапка.

Сначала Царапка отказывается вести в «чумане». Потом согласился за 50 к. Покупка весла. Кто ж за весло деньги берет? Да кто ж его в рабочее время делает?

Пред Падунум высаживает Л(опатина) и велит идти берегом.

Сверху Л(опатин) видит, что лодку залило. Царапка сидит весь в воде. Но лодку несет. Порог пройден.

Село. Мальчишки. Дом трех братьев. Младшая из жен ругается за мужа. Возвращаются с сенокоса мужья. Не берутся провести лодку через Долгий. Младшая из жен упрекает; муж колотит.

Ночлег в этой избе. «Маточка». Утром молодуха направляет в другой дом, богатый. Советует похвалить.

Разговор с Кириллом. Слёги? Но выходит опять молодуха. Направляет к Седановским почтарям.

Л(опатин) выкупает их за 3 р.

Спуск через «Долгий» в почтовой лодке. Сзади привязана лодочка Л(опатина). Пришлось ее отрезать. Потом перехватили.

Дальше порог «Седановская шевера».

Л(опатин) хочет брать «вождя». Почтарь останавливает:

— Стоит ли? Проедешь сам.

Рассказывают, как править.

После этого Л(опатин) один проезжает чрез пороги.

Только для одного пришлось взять Семена Ясашиного. Тот ничего не боится. Охота на глухаря.

Потом перешел на паузок. Два брата. Так добрался по Ангаре.

На вольных.

Томск.

27 ноября (10 декабря). Веч(ером)

АРЕСТ В ТОМСКЕ

Едет с бумагами Ильина. О нем дано знать, выслана карточка. Любитель — сыщик, пристав Лешков.

Подходит у буфета.

— Откуда едете?

— Из Енисейска.

— Кто?

— Д-р Ильин.

— Прописывались?

— Вы смеетесь? Это не обязательно. Я проездом.

— Можно видеть бумаги?

Идут в номер. Л(опатин) показывает. Лешков все-таки приглашает к полицейстеру. Тот просит съездить к губернатору.

Упреки Л(опатина):

— Из-за того, что в Ирк(утске) бежал какой-то Лопатин, Вы станете задерживать каждого проезжего.

Губернатор соглашается, приказывает отпустить.

Опять заезжают в полиц. управление. Там прокурор и чиновники. Один из них служил в Енисейске. Л(опатин) говорит о поручике Соколове, к которому ездил, описывает дом. Сличают карточку. Л(опатин) победоносно отражает. Занимает компанию веселыми рассказами.

Лешков отыскал проезжего из Иркутска, смотрителя больницы. Спрашивает о наружности д-ра Ильина. Не подходит. О наружности Л(опатина).

Привозит смотрителя.

Сцена.

Прокурор: «Клянусь честью, я здесь ни при чем». Составление протокола. Соглашаются записать, что бумаги найдены случайно.

В тюрьме.

Мальчик, сын смотрителя, с честными глазами. Знакомство. Письмо к Ильину. Везут обратно. Встреча с Синельниковым. Опять в Ирк(утском) остроге.

У следователя. Очная ставка с лощманом с Ангары.

Письмо Ильину — в папке следователя. Как это случилось.

27 ноября (10 декабря). Веч(ером)

ТРЕТИЙ ПОБЕГ. 1873²¹

Говорит «малой каторге» о намерении бежать из суда. Готовят нож с ремнем. Под мостом — мешок с платьем и провизией. Советы Лукаша:

— Беги на Як(утский) тракт. Перехватить нельзя. Адреса пристанодержателей. Скажи: я прислал. Не говори, что в тюрьме. Разбой, мол, держит, скоро будет. Себя назови «царьком».

— Так ведь заставят делать ассигнации.

— Ничего. Требуй бумаги. Принесут — скажи: разве это бумага? Разве это краски? Потом пойдешь сам и скроешься.

Ведут в суд. Один подчасок. Заметил, что у ворот привязана лошадь адъютанта. Председатель — спортсмен. Просится пить. Бегство.

Переулоч с бревнами. Спрашивает плотников о броде, начинают слезать. Плечом сталкивает лошадь под берег.

Мешок под мостом: надевает крестьянскую сермягу и сибирский колпак, прочь очки.

Сбился. Среди «топки». Попадает в «окно». Полоса воды. Оттягивает лошадь в сторону зеленой лужайки. В топях. Как выбралась лошадь. Хрюк в воде. Поскотина. Пастух указывает «Веселую горку». На тракту. Погоня.

В лощине. Облава. Дождь и сумерки. Идет впереди. Облава уходит. Волки. Назад в Иркутск. 200 р.

Пред одним из мостов костер: две лошади и несколько фигур. Пропускают. Успокоился. Едет шагом. Вдруг лошадь схвачена, остановили. Сказка о работнике одного мещанина, который возил еду на покос. Нашупывают мешок. Резонер и торопыга.

Резонер заставляет нагнуться и проводит рукой по лицу, ищет очков. Спор. Отпустили.

Останавливается и начинает упрекать, говорит о револьвере.

Резонер рассуждает: Ну — зачем? Вот и дальше будет два пикета: на мосту и у брода. Также остановись, поговори, все будет хорошо.

Вскачь через мост.

Через реку.

Лошадь ржет. Не идет на высокий берег. Поток нечистот.

Бросает лошадь. Взбирается по нечистотам. Слышит двое перелезли через забор, слышали ржание; слушают, спорят.

Л(опатин) лежит.

Перелезли обратно.

Спущенные собаки.

Через забор — во двор дома, оттуда — в переулок. Крадется посредине. Куда идти? Сторожа.

Мысль о п(омощнике) испр(авника). Жена и две ее сестры. Через забор. В нижнем этаже старушки-поповны. Как вызвать?

Отдельная кухня. Проволока к кухне. Поселенка Маша.

Звонит.

— Наша барыня Вашей барыне зубные капли дали. Теперь нужно назад. Звонок к Маше. Та бежит через двор. Схватил ее, научил.

Машина прячет в кладовке, ночью моет платье.

Утром в кухне поповны. Чихает. Машина сказка о коте.

Посетительницы.

Вернулся хозяин.

— Барыня лежит совсем черная. Уходит. Куда?

Купец-сыщик, бывший шулер из поляков. Жена — полька.

Приходит поздно. Дворник не пустил. Хозяева (в театре). Казачок позвал. Сказка в передней.

Звонок. Хозяева. Обращение к хозяйке за книгой.

— Подожди, голубчик, в передней.

Хозяин: — Вы меня губите.

Л(опатин): — Нет, если не будете дураком. Пошлите дворника в аптеку, мальчика с поручением, горничную — в спальню.

Так и сделали. Л(опатина) отводят на чердак. Спит на медвежьей шкуре.

Переходит к доктору. Лежит в будке над крыльцом. Прогулки по квартире.

Лакей доктора. 2000 р.

Разговоры романтика.

Обращение губернатора к купцу. Опять у купца: в кладовой.

У поселенца в подполье. Жена поселенца. Захваченный гостем. Бросается на постель вниз лицом. Гость хлопает по плечу.

Оба обознались.

Л(опатин) на секунду поднимает голову.

У гостя — восклицание:

— И тут не утерпел: засмеялся...

В зале:

— Это Л(опатин)? Ну да я ни Вам, ни ему не злодей.

Оказалось: писарь из села. Им сообщали приметы. Главные: смеется.

Куплена телега и лошадь.

Как скрыться на пароме.

Татьяна Флорентовна²². Разговор двух обывателей, с указанием, где взять лодку. Дальше едет в телеге. Присоединяется к обозу.

На одной из станций выносит чемодан Риду.

Из Томска до Тюмени на пароходе. Без очков. Мнимый жандарм и его распросы насчет ранца из перпы.

Встреча в Пет(ербурге). Жандарм оказывается ветеринаром.

ЛЕГЕНДА О СИЛЕ

27 ноября (10 декабря), после чтения Окурова.

В Ирк(утской) тюрьме. Готовили побег. Вывинчены скобки двери. Большинство арестантов и начальство не знают. Сам забыл. Нужно выйти. Надзиратель отвечает грубо. Л(опатин) в припадке бешенства бьет ногой. Дверь падает. Надзиратель оштолбенел. Схватывает за горло и бросает. Сходил и вернулся. Никто не смеет подойти. Кузнецы.

Другой случай, когда сидел при жанд(армском) управлении. Один часовой. Нужно выйти. Часовой ответил грубо. Каблуки с подковами. Л(опатин) бьет с разбегу каблуком. Дверь летит. Вырывает у часового ружье и бросает во двор.

28 ноября (11 декабря). Вечером

ДОПРОСЫ И СУД 1884 г.

Хочет говорить П. Н. Дурново.

— Лестью не возьмешь. Запугать нельзя, потому что знаете исход. Но, быть м(ожет), согласитесь побеседовать...

— Чем можете оправдать убийство?

— У нас нет тюрем, чтобы обезвредить людей, вредных обществу.

— Вы говорите, как посол другой иностранной державы.

— Да, мы другая держава, бывшая в войне.

Я военнопленный.

Дурново представляет Зволянского²³.

Хотят говорить Д. А. Толстой и Оржевский²⁴.

— С кем имею честь?

Оржевский:— Не знаешь, как с Вами говорить, на что будете отвечать.

Для кого назначались 2 бомбы, которые нашли у Вас?

Л(опатин):— Одна для графа Дмитрия Андреевича...

Толстой с кривящимся ртом:— Неужели Вы думаете, что если б убили меня, не нашлось бы другого на мое место?

Л(опатин):— Пословица говорит: «Свято место пусто не бывает», чтобы не обращаться к другой, менее приличной. Но человека с такой мертвой хваткой — не скоро нашли бы.

Орж(евский):— А другая?

Л(опатин):— Для Конст. Петр²⁵.

Упреки Дурново.

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

Хотел умереть. Мучило, что захватили адреса. Но старший офицер партии д(олжен) умереть красиво. Это последняя услуга партии²⁶. Обдумал возможности. Потом спокойно стал читать Собрание иностр(анных) романов.

ОБРАЩЕНИЕ К ТОВАРИЩАМ В СУДЕ²⁷

Начинает рассказывать, как взяли адреса.

Председатель хочет остановить.

Л(опатин):— Вы бывший офицер. Вы понимаете, что значит честь. Вы не должны мешать, когда умирающий хочет снять пятно с чести...

С одним из подсудимых истерика.

Председатель на нашел силы остановить.

ЗАПУГИВАНИЕ ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Полковник говорит о Шлисс(ельбурге):

— Там говорят «ты».

Л(опатин) говорит, что ответит тем же.

— Но там розги.

Л(опатин):— Это не наказание, потому что у нас нет общего кодекса. Это насилие одной стороны над другой. Ответу тем же. Если за «ты» розги, что же за пощечину? Смерть? Да я только этого и хочу.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ

Разговор, вероятно, был передан. С Л(опатиным) вежливы.

Но отнимают очки.

Л(опатин) перестает есть.

В конце третьих суток уступили.

Читает висающую инструкцию: там — «о розгах». При первой угрозе Волкенштейн²⁸ рвет инструкцию. Молчаливая борьба.

Приезд начальника. Победа Л(опатина).

ВИЗИТ П. Н. ДУРНОВО

— Все успокаиваете?

28 ноября <11 декабря>. Веч(ером)

КАЗНЬ КАРАКОЗОВА

На Смол(енском) поле. Три ряда войск. Высокий помост.

История палача, разбогатевшего и кончившего дня в Соловках.

Тележка с Карак(озовым). Спину к лошади. На груди доска с надписью: «цареубийца». Голова болтается.

Рассказ жандарма, что К(аракозова) пытали лишением сна.

Поклон на 4 стороны. Целует крест.

Саван.

Палач кладет руки на плечи и ногой вышибает скамейку; помощники тянут вверх.

ССЫЛКА В СТАВРОПОЛЬ КАВК(АЗСКИЙ)²⁹

Как избавился от этапа.

Спутникам-жандармам позабыли дать маршрут. Остановка в Москве.

Сварливая женщина с выгона; как испугал.

28 ноября (11 декабря)

О ЗНАКОМЫХ

Знал трех блестящих собеседников:

1. Зинин.

Сначала — математик. Потом химик. Его работа положила начало целому ряду новых производств: анилиновые краски; эфиры. Но денежная сторона не интересовала).

Знаток литератур, искусств. Увлекался всем. Блестяще говорил, неистощимое разнообразие, содержательность. Полное отсутствие авторитарности.

2. Герцен.

3. Маркс. Любил его как отца.

М(аркс) знал древние языки, все европейские. Выучился русскому, чтобы про- верить Герцена. Цитировал Гоголя, Салтыкова. Иногда спрашивал о словах: из 10 слов 8 незнакомы самому Лопатину.

Знал все литературы.

Заставил Л(опатина) познакомиться с Бальзаком. Любящий, мягкий.

Но в споре страстен.

О Л(опатине) так сказал: Вы единственный ч(елове)к, которому я доверил бы популяризировать мою теорию.

Менее авторитарен, чем Энгельс.

Гибкий ум, открытый для каждого нового факта.

По темпераменту — с-р.

Салтыков проверяет план Л(опатина) относительно похищения Черныш(евского).

Тургенев говорит о Черныш(евском): тонкий пискливый голос, долбит в одну точку и упорно все сгибает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о русских рабочих, учениках Каприйской школы.

² З. А. Пешков.

³ В своей автобиографии Лопатин писал: «В конце 1870 г. (...) он отправился в Сибирь с целью освобождения Н. Г. Чернышевского. Быстро сделав все разведки и приготовления в г. Иркутске и обеспечив себе даже правительственное содействие, он неожиданно был арестован вследствие одного несчастного совпадения. А именно: один из членов другой компании, задававшейся той же целью, провалился о ней в Женеве, в результате — депеша из III отделения в Иркутск: „У вас должен проживать в эту минуту некий человек, имя которого пока неизвестно, по такому-то делу. Ищите!“ (Лопатин. С. 10—11). См. там же его письмо Н. П. Синельникову.

Лопатин приехал в Сибирь, имея документы на имя Николая Николаевича Любавина, члена Географического общества. Подробнее о пребывании Лопатина в Сибири см.: *Научитель М. В. Герман Лопатин в Сибири*. Иркутск, 1963; а также в статьях В. Щербаковой «Борьба за свободу» (Ангара. 1965. № 4) и М. Н. Слепцова «Побег» (Неделя. 1965. № 49).

⁴ Джованни — речь идет о Джованни Спандаро — одном из братьев местных рыбаков на Капри, с которыми дружен был Горький.

⁵ Николай Николаевич Зинин (1812—1880) — русский химик-органик, академик. Проводил большую работу по изучению нитроглицерина как взрывчатого вещества и совместно с В. Ф. Петрушевским пытался внедрить нитроглицерин в боевую технику русской армии еще в 1854 г. Вместе с А. А. Воскресенским создал большую школу русских химиков (А. М. Бутилов, А. П. Бородин, Н. Н. Бекетов, Л. Н. Шишков, А. Н. Шишков, А. Н. Энгельгард). Зинин активно участвовал в организации в 1867—1868 гг. Русского химического общества (ныне Всесоюзное химическое общество им. Д. И. Менделеева) и в течение первых лет был его президентом.

⁶ Лопатин познакомился с А. И. Герценом в 1867 г. Он писал в автобиографии: «В 1867 г., прочитав в утренней газете, что Гарибальди бежал с Капреры и идет на Рим, вечером того же дня покинул Петербург и поехал в Италию, но прибыл во Флоренцию как раз в день Ментонской битвы. Повернув сейчас же назад, заехал в Ниццу, чтобы познакомиться и побеседовать со стариком А. И. Герценом» (*Лопатин. С. 9. См. также: Лааров П. Заметки о Лопатине // «Процесс 21-го»*).

⁷ С Марксом и Энгельсом Лопатин познакомился в 1870 г. в Лондоне, куда он отправился из Парижа, «чтобы быть поближе к Марксу, труд которого он принялся тогда переводить на русский язык» (*Лопатин. С. 10*). В п. Н. П. Синельникову он писал о своих отношениях с Марксом. См. также: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967; Харченко Л., Винклер А. Мятельная жизнь. 2-е изд. Ставрополь, 1972; Антонов В. Русский друг Маркса Г. А. Лопатин. М., 1960; *Репорт Ю. М.* Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного марксизма: (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960; Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983.

⁸ Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) — русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества. Лопатин не разделял взглядов Бакунина. Его теоретические разногласия с ним и Нечаевым выяснились в начавшейся в 1869—1870 гг. переписке, однако Лопатин неоднократно встречался с Бакуниным и позже в Женеве.

⁹ Другие свидетельства о том, что М. Е. Салтыков-Щедрин был знаком с планом Лопатина относительно «похищения» Чернышевского, не разысканы.

¹⁰ Лопатин встретился с Г. И. Успенским в Париже, в начале 70-х годов; он произвел сильнейшее впечатление на Успенского. См. заметку Г. И. Успенского «Мои дети».

¹¹ Об отношениях Тургенева и Лопатина см.: *Дубовиков А. Н.* Герман Лопатин о Тургеневе. Неизданные материалы // *ЛН. Т. 76. С. 234—254*.

¹² Петр Николаевич Дурново (1844—1915) — в 1884—1893 гг. — директор Департамента полиции. Во время одного из его визитов в Шлиссельбург Лопатин «вел с ним долгий разговор об условиях жизни в крепости», вспоминала В. Н. Фигнер (*Фигнер В. Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 159*).

¹³ Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) — граф, реакционный государственный деятель царской России. В 1865 г. был назначен обер-прокурором синода, а с 1866 г. одновременно и министром народного просвещения; провел ряд реакционных реформ начальной и средней школы. С 1882 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов, ввел draconические «Временные правила», крайне ограничил самостоятельность земских учреждений, боролся с малейшим проявлением свободной мысли.

¹⁴ Лопатин был осужден по «Процессу 21-го» (лопатинскому, см. прим. 26 и 27) и приговорен к смертной казни через повешение; по «высочайшему повелению» смертная казнь была заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости. См.: «Процесс 21-го».

¹⁵ Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова (1828—1909) с июля 1904 г. посещала заключенных в Шлиссельбургской крепости. После выхода из крепости шлиссельбуржцы поддерживали с ней добрые отношения. См.: *Фигнер В. Запечатленный труд. Т. 2. С. 241—247; Она же. После Шлиссельбурга. Т. III (гл. V — «Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова»); Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. Пг., 1920. С. 220*.

¹⁶ 4 апреля 1866 г. Дмитрий Владимирович Каракозов (1840—1866), член тайного революционного общества, предпринял покушение на жизнь Александра II, окончившееся неудачей. После покушения Каракозова начались широкие аресты (было арестовано более двух тысяч человек). Многие арестованные, в том числе Лопатин, не имели непосредственного отношения к делу (см. автобиографию Лопатина, его п. Н. П. Синельникову, «Воспоминания об И. А. Худякове» в кн. *Лопатин*). Суд по каракозовскому делу проходил с 10 августа по 1 сентября 1866 г. Каракозов был приговорен к смертной казни. «3 сентября в 7 часов утра на Смоленском поле Каракозову был публично прочитан приговор, и, как говорилось в протоколе об исполнении приговора, „преступник был возведен на эшафот палачами, которые совершили над ним смертную казнь повешением“. Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в дневнике этот факт. „Стечение народа было большое, — отмечал он. — Толпа вела себя чинно.“» (*Виленская Эм. Худяков. М., 1969. С. 124*).

По «караказовскому делу» Лопатин находился в заключении в Петропавловской крепости более двух месяцев, был освобожден после отъезда из Петербурга председателя следственной комиссии гр. М. Н. Муравьева («вешателя»), который, как вспоминал Лопатин, подозрительно к нему относился.

¹⁷ В начале 1879 г. Лопатин приехал в Россию (по паспорту Савостьянова), но был арестован (обстоятельства ареста см. в автобиографии). «Весной 1880 г. состоялось постановление о высылке его административным порядком в Восточную Сибирь или, снисходя к желаниям его родни по жене, в г. Ташкент, где ему представлялся заработок в местном частном банке. Однако с него требовали денежный залог в 50 000 руб. за благополучное прибытие из Оренбурга в Ташкент (до Оренбурга его сопровождал жандармский конвой) и в 10 000 за неотлучное пребывание в Ташкенте», — писал Лопатин (Лопатин. С. 13).

¹⁸ Бруно Германович Барт-Лопатин (1877—1938). См. о нем: Харченко Л., Винклер А. Мятенная жизнь; Альманах «Ставрополь». 1977, № 2.

¹⁹ Лопатин был арестован 6 октября 1884 г. в Петербурге, где проживал под именем английского подданного Норриса. См. также прим. 27.

²⁰ Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Петрович Синельников (1805—1894). Об их отношениях см. п. Лопатина Синельникову от 15 февраля 1873 г. в кн. Лопатин.

²¹ В автобиографии Лопатин коротко рассказал о своих побегах из Иркутской тюрьмы. Подробная запись его рассказа о третьем побеге сделана также А. И. Голополовым (Голополов А. И. Из приключений старых революционеров: Побег Г. А. Лопатина с каторги. М., 1922). См. также упомянутую выше работу М. В. Научителя.

Первый раз Лопатин бежал 3 июня 1871 г., второй раз — 7 августа 1872 г. (6 сент. задержан в Томске), третий раз — 10 июня 1873 г.

²² Доктор Ильин и Татьяна Флорентьевна Чайковская — иркутские знакомые Лопатина. См. о них: Слепцов М. Н. Побег // Неделя. 1965, № 49.

²³ Сергей Эрстович Зволянский — директор Департамента полиции.

²⁴ Петр Васильевич Оржееский — товарищ министра внутренних дел.

²⁵ Константин Петрович Победоносцев стал обер-прокурором Синода в 1880 г., сменив Д. А. Толстого.

²⁶ После убийства Александра II (1 марта 1881 г.) и последовавших за этим репрессий «Народная воля» переживала идейный и организационный кризис. До 1884 г. Лопатин не входил в «Народную волю», хотя был близок со многими ее деятелями. Он писал в автобиографии, что когда в 1883 г. он приезжал в Петербург, «где приступил к самостоятельным розыскам наличных революционных сил <...> не принадлежал в то время к партии Народной воли ни формально, ни фактически <...> В начале 1884 г. он отправился в Париж, где формально примкнул к партии Народной воли, и в марте того же года опять вернулся в Питер в качестве члена Исполнительного комитета. Перед ним стояла чудовищная для единичной личности задача: «собирать рассыпанную хранину»; отделять «пшеницу от плевела», то есть удалять немногочисленные продукты политического разврата последних годов, вторгнувшиеся в революционную среду — в форме лиц, ведших двойную игру с революцией и полицией <...> нужно было открывать и присоединять к центру сохранившиеся обломки старых местных организаций, примирять возникшие во время безначалия разногласия и ссоры, изыскивать денежные средства на постановку новых дел, основывать заново или поддерживать только что возникшие опять типографии, спешить выпуском хоть одного номера «Народной воли»; стараться поставить хоть одно полезное и эффективное террористическое дело, как наилучшее агитационное и вербовочное средство для данной минуты, и т. п.» (Лопатин. С. 14—15). Вся эта работа выполнялась Лопатиным. Он начал готовить покушение на Д. А. Толстого. Однако поводом к его аресту явилось убийство полковника Г. П. Судейкина с помощью провокатора С. П. Дегаева, хотя к организации этого убийства Лопатин отношения не имел. См.: «Процесс 21-го» и последнее слово Лопатина на суде // Советские архивы. 1970, № 6.

²⁷ При внезапном аресте 6 октября 1884 г. Лопатин не смог уничтожить бывшие при нем адреса. По этим записям были арестованы другие члены организации. Часть документов и два взрывательных снаряда были обнаружены на квартире Лопатина при обыске, что также повлекло за собой аресты. Это обстоятельство было причиной мучительных переживаний Лопатина. Следствие по лопатинскому делу длилось около трех лет, и только в мае—июне 1887 г. состоялся суд, на одном из заседаний которого фигурировали документы, захваченные у Лопатина. Из отчета о процессе: «„Суд приступает <...> к прочтению одиннадцати клочков бумаги, которые были отобраны у Лопатина при его арестовании <...> Когда председатель предложил Лопатину дать объяснения по поводу прочитанного, он встал в сильном волнении и со страстной речью обратился скорее к товарищам, чем к судьям“. Далее в отчете приводится речь Лопатина, в которой он рассказал об обстоятельствах своего ареста и своих переживаниях: „Я <...> сильный и мужественный человек, столько раз бывавший в положениях, грозящих смертью, я... дрожал как в лихорадке и даже теперь не имею духа прямо взглянуть в лицо товарищам“. Под

конец Лопатиным овладело такое волнение, что нервы его не выдержали и, упав на скамью, он огласил зал страшными рыданиями. Председатель и прокурор начали было требовать продолжения прерванного объяснения; но в это время с Сухомлиным делается истерический припадок; у других подсудимых слезы навертываются на глаза и спазмы сдавливают им горло. Смущенный председатель объявляет перерыв» («Процесс 21-го». С. 11, 13; см. также: *Сухомлин В. И.* «Процесс двадцати одного» // «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2. М.: Изд-во общества политкаторжан. 1931).

²⁸ Людмила Александровна *Волкенштейн* (1857–1906) — член «Народной воли». По «Процессу 14-ти» в 1884 г. была приговорена к смертной казни, замененной пятнадцатью годами каторги. До 1896 г. отбывала заключение в Шлиссельбурге. С 1897 г. находилась на поселении на о. Сахалине. Погибла при расстреле демонстрации во Владивостоке. Лопатину принадлежит шуточное стихотворение, посвященное Волкенштейн. На стенах камер в Шлиссельбурге была повешена инструкция по внутреннему распорядку. В § 6 «Инструкции» значилось: «Когда проступки сопровождались особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могут быть наказаны розгами, до 50 ударов» (*Новорусский М.* Записки шлиссельбуржца. С. 33).

²⁹ Лопатин был сослан в Ставрополь в 1869 г. после ареста по делу «Рублевого общества».

К. П. ПЯТНИЦКИЙ

Г. А. ЛОПАТИН В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО НА КАПРИ

Отрывки из дневника

В ноябре 1909 года я жил на острове Капри в одной вилле с Горьким. Пришло известие, что через несколько дней на Капри приедет один из героев «Народной воли» — Герман Александрович Лопатин.

Я много читал и слышал об этом человеке. Мне рассказывали о нем его товарищи по Шлиссельбургской крепости. Интересна была жизнь Лопатина, интересен и сам Лопатин. В его жизни были отчаянно смелые предприятия, великие удачи и столь же великие катастрофы. В его личности гармонически соединялись такие дарования и особенности, какие редко встречаются вместе, в одном человеке: громадная физическая сила, блестящие умственные способности, большие знания и целый ряд ценных волевых качеств — предприимчивость, беззаветная смелость, хладнокровие и находчивость в опасные моменты. Его рассказами увлекались такие взыскательные слушатели, как Маркс и Энгельс, Иван Сергеевич Тургенев и Глеб Успенский.

Я с нетерпением ждал приезда Лопатина и заранее решил заносить его рассказы с возможной точностью в свой дневник.

Лопатин приехал на Капри 26 ноября и провел с нами четыре дня. Передаю в этом очерке те места дневника, которые связаны с пребыванием Лопатина и его рассказами.

26 ноября (9 декабря)

Лопатин приехал с вечерним пароходом, часу в шестом. Через 20 минут он был среди нас, в столовой Горького. Вот он стоит пред одним из окон столовой, выходящих на Неаполитанский залив. Наступает закат, спокойная гладь залива походит на исполинское серебристо-розовое зеркало. На этом фоне крупная фигура Лопатина выделяется, как статуя из темной бронзы. Ему сейчас 64 года. Он пробыл в крепости 21 год¹. Но тюрьма и годы не сломили его. Какой это могучий, красивый старик. Высокий рост, большая голова, широкие плечи, выпуклая богатырская грудь.

Лопатин легко сходится с людьми. В кружке, собравшемся около него, уже кипит оживленная беседа. Она продолжается и во время обеда. Отвечая на расспросы, Лопатин охотно рассказывает о различных моментах своей жизни. Рассказывает и — смеется. В столовой то и дело раздается его добродушный раскатистый смех. Этот смех характерен для Лопатина. В нем отражается избыток сил и несокрушимая жизнерадостность. Чувствуется, что эта жизнерадостность в крови, в нервах Лопатина, — что ничто не сломит и не одолеет ее. О себе Лопатин говорит с большою скромностью. Кто-то из нас упомянул об его заслугах пред революцией; Лопатин поспешил отделаться шуткой.

— Что вы, что вы, — возразил он, — какой я революционер, я просто веселый человек...

Обед кончился. Вошла горничная и сказала, что в нижнем этаже виллы уже собрались русские рабочие. Это были слушатели так называемой Каприйской школы. Летом 1909 года они съехались на этот маленький остров со всех концов необъятной России. Разместились группами по крестьянским домикам; но ежедневно собираются вместе для занятий. Богданов, Луначарский и другие партийные товарищи читают им ряд курсов по социализму; Горький ведет беседы по литературе². Аудиторией служит пустующая комната в нижнем этаже виллы Горького. Лопатин захотел прежде всего повидаться и поговорить с этими рабочими. Он про-

вел среди них весь вечер. Вернулся в столовую только к вечернему чаю, часов в 11.

После чаю беседа продолжалась. Горький, видимо, любовался жизнерадостностью Лопатина, сохранившейся после стольких испытаний и невзгод. Наконец он спросил его:

— Скажите, Герман Александрович: неужели в вашей жизни не было моментов, когда даже вам пришлось испытать чувство ужаса, настоящего ужаса?

— Были, — коротко ответил Лопатин. — Было два таких момента...

— Если бы вы рассказали о них...

— Хорошо. Могу...

ДВА МОМЕНТА УЖАСА

— Первый относится к 1880 году. Меня ссылали на три года в Ташкент. Разрешили ехать самостоятельно, без конвоя. Но потребовали залог в 50 000 рублей. Деньги были внесены родственником жены моей Глиной-Янчевским...³

Из Оренбурга мы отправились целым караваном. Куплено все необходимое для путешествия: верблюды, скот. Со мной сын — четырех лет. При нем — гувернантка Адель. Путь длинный и трудный; едем степью, солончаками. Солнце палит невыносимо, задыхаемся от зноя. Останавливаемся у воды. Где есть вода, купаю сына. Так доехали до урочища «Тысяча ключей». Кругом масса колодцев. Это — известные чашки, наполненные водой; от каждой идет в глубину известковая трубка. Вода в колодцах темная, но прозрачная. Увидевши воды, сын начинает настойчиво просить, чтобы его выкупали. Я обвязал его азиатским узлом и бросил в колодец. Мальчик моментально скрылся под водой. Держу в руке свободный конец веревки. Тяну к себе — сопротивления нет; тяну еще, вся веревка всплывает на поверхность. Мальчик остался в глубине, в трубке колодца... Мгновение величайшего ужаса... Неужели сын мой погиб?.. Бросаюсь в колодец вниз головой... Глубже, глубже... Хватаюсь руками за стенки. Наконец под руками маленькое тельце. Прижимаю его к себе. Дна еще нет... Удастся ли повернуться в узкой трубке? — Удалось. Вырываюсь на поверхность с сыном в руках.

Азиатский узел таков: если тянут один конец веревки, узел затягивается сильнее, если дернут другой, узел моментально распускается. Мальчик, болтая руками, схватился за тот конец веревки, которого не должен был касаться, — и едва не остался навсегда в глубине колодца...

— Ну, а другой случай? — спросил кто-то из слушателей.

— Другой случай еще тяжелее. — Лопатин на минуту приостановился; затем продолжал:

— В 1884 году я готовил покушение на министра внутренних дел Дмитрия Андреевича Толстого. Осень провожу в Петербурге; живу на Конюшенной; числюсь английским подданным.

Пятого октября перехожу Невский против Казанского собора. Слышу, какие-то чуйки нагоняют меня и кричат: «Господин, господин, подождите...» Останавливаюсь. Жду. Вдруг два сильных человека хватают меня за кисти рук: один за правую руку, другой за левую. В то же мгновение третий охватывает мое туловище сзади и поднимает меня на воздух. Опоры под ногами нет, сопротивление невозможно. Меня бросают в пролетку. Два агента продолжают крепко держать мои руки и садятся по бокам: один справа, другой слева. Слышу, отдают приказ извозчику: «По Казанской улице, в канцелярию градоначальника» ... Вспоминаю, что в левом кармане у меня сверток из 11 тончайших листочков; на них адреса товарищей и заметки относительно намеченного покушения... Момент величайшего ужаса, полное бессилие... Через несколько мгновений прихожу в себя, решаюсь сделать попытку под аркою Казанского собора. Вот и арка. Одной рукой сбрасываю на землю левого агента. В то же время наваливаюсь туловищем на правого и рукой держу его за горло... Свободной рукой выхватываю из кармана сверток, и — в рот... Стараюсь проглотить. Но это трудно: сверток завернут в александрийскую бумагу. Я упустил из виду, что сзади, на другом извозчике, едут еще два агента. Вдруг чьи-то руки охватывают сзади мою шею... Меня отгибают назад с такой силой,

что чуть не переломили спину. Моя голова касается колес. Мне со страшной силой сжимают горло. На несколько мгновений теряю сознание... Из моего рта выхватывают сверток с адресами.

Пролетка продолжает путь по Казанской улице. Я поднимаю крик, стараясь освободиться. С тротуаров, справа и слева, сбегаются люди. Толпа, видимо, мне сочувствует. Подходит городской. Агент показывает ему карточку. Городовой разгоняет толпу.

Пролетка двинулась дальше. Вижу, за ней бежит молодой человек в очках. Кричу ему:

— Если вы студент, рассказывайте, что Лопатина взяли,— с адресами... Бегите...

Но предупреждение запоздало: студента тоже арестуют. Последняя надежда исчезла. В этот момент мне захотелось моментально умереть, моментально превратиться в ничто...

Лопатину что-то сжимало горло. Никто не стал продолжать расспросов. Все молча разошлись по своим комнатам.

27 ноября (10 декабря)

Утренние часы вплоть до завтрака Лопатин посвятил осмотру острова. Вернувшись, он рассказал нам о своих впечатлениях. Особенно поразила его красота «Голубого грота». Эта пещера считается одним из чудес мира. Чтобы добраться до нее, нужно ехать в лодке вдоль отвесной известковой страшно высокой стены. В одном месте берега виднеется полукруглое отверстие, расположенное у самой воды. Его высота и ширина около метра. Это — вход в короткий канал, который ведет к пещере. Гребец проталкивает лодку внутрь пещеры. Теперь лодка плывет по глубокому озеру в 54 метра длины и в 30 метров ширины. Над озером высится каменный свод в 12 метров вышины. В эту замкнутую пещеру не проникает ни один луч дневного света. В ней должен был господствовать глубокий мрак. Но этого нет: в пещере светло, вся она полна нежного голубого света. Где же его источник? Путешественник опускает руку в воду,— рука светится и кажется серебряной. Вода, кипящая около весел, кажется расплавленным сверкающим серебром. Ясно, что голубой свет идет из воды. Вся ее толща пронизана голубыми лучами. Лопатин, как естественник, быстро понял причину этого необыкновенного явления...

В глубокой древности морские волны пробили каменную стену и проделали в ней широкие ворота, ведущие внутрь пещеры. Теперь эти ворота лежат ниже поверхности. Солнечные лучи, падающие на поверхность моря, проходят наискось через эти ворота в глубину пещеры. Отразившись от дна, они поднимаются вверх через толщу воды. Морская вода поглощает красные и желтые лучи. На поверхность вырывается смесь голубых и синих лучей. Отсюда — голубое сияние, наполняющее пещеру.

Как только кончился завтрак, Лопатин обратился к Горькому:

— У меня, Алексей Максимович, большая к вам просьба: хотелось бы послушать последнее ваше произведение.

Горький встал и молча пошел в свой кабинет. Мы с Лопатиным прошли туда же. Началось чтение «Городка Окурова»⁴. Кончив чтение, Горький вышел по делу. Мы с Лопатиным остались вдвоем. Было около 5 часов вечера. Лопатин молча любовался красотой залива; сегодня его поверхность казалась светло-серой, только около острова Искии вилась широкая серебряная полоса.

Я говорил с Лопатиным об его силе. Мне говорили, что среди каторжан иркутской тюрьмы о ней ходили целые легенды. Я спросил Лопатина: верно ли, что он был так силен.

ЛЕГЕНДА О СИЛЕ

— Сила у меня была порядочная,— сказал Лопатин,— но ее преувеличивали. Поводом к легенде послужили два случая.

Я сидел в одиночной камере иркутской тюрьмы. Нужно было выйти в уборную. Я сказал об этом надзирателю, стоявшему в коридоре. Он ответил гру-

бостью. Я повторил свою просьбу. В ответ услышал новую грубость. Меня охватило бешенство. Разбежавшись, я изо всей силы ударил по двери ногою. Вдруг толстая массивная дверь срывается с петель и с грохотом падает на пол. Надзиратель остолбенел. Я схватил его за горло и бросил на землю. Затем, побывавши в уборной, я спокойно вернулся в камеру. На крик надзирателя со всех сторон бежали люди. Никто не смеет подойти ко мне. Позвали кузнецов, и те снова приладили дверь.

Слух о происшествии быстро разнесся по всей тюрьме. Конечно, он сильно поразил воображение каторжан.

Дело объяснялось просто: в тюрьме готовили побег; в моей комнате винты из дверных петель были вынуты; но все об этом забыли; я знал, но в данный момент тоже забыл...

Другой случай произошел в 1871 году. Меня держали под арестом в комнате при жандармском управлении. Дверь комнаты была обыкновенная, непрочная. За дверью стоял часовой с ружьем. Я хотел выйти. Часовой ответил мне грубо. На моих ногах были сапоги с подковами. Я с размаху ударил по двери каблуком. Непрочная дверь слетела с петель. Я выхватил у часового ружье и выбросил его во двор. К счастью, все сошло с рук.

«Малая каторга» страшно ценит физическую силу и смелость. Оба случая, о которых я рассказываю, стали известны всем каторжанам. Рассказы о них передавались из уст в уста. При этом многое было прикрашено. Отсюда — легенда...

В шесть часов нас позвали в столовую. Во время обеда я стал расспрашивать Лопатина об его смелой попытке — освободить Чернышевского из сибирской ссылки. Ответы Лопатина интересовали присутствующих. После обеда все остались в столовой, на своих местах. Горький же обратился к Лопатину с просьбой: рассказать всю историю его побегов из Иркутска, всю эту эпопею, сполна, с начала до конца.

Вот рассказ Лопатина.

КАК ВОЗНИК ПЛАН ОСВОБОДИТЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

— Летом 1870 года я приехал в Лондон и сразу же познакомился с Марксом. Мне было тогда 25 лет, Марксу — 52 года. Несмотря на разницу лет, между нами установились тесные, дружеские отношения. Я не только преклонялся перед исключительными способностями и знаниями Маркса, не только увлекался его идеями, но и любил его как отца. Маркс видел и чувствовал это.

Я начал переводить «Капитал» на русский язык. Много рассказывал Марксу о России. Разговор часто переходил на Чернышевского. Маркс относился к Чернышевскому с великим уважением. Он высоко ценил примечания Чернышевского к «Политической экономии» Милля⁵. Признавал за ним оригинальность, силу и глубину мысли. Не раз повторял, что среди современной экономической литературы статьи и книги Чернышевского являются единственной работой, которую стоит читать и изучать. Ссылка Чернышевского вызвала в Марксе величайшее негодование. Он говорил, что Россия должна бы гордиться таким гражданином, — что все мы, русские люди, несем ответственность за то, что Чернышевский томится в ссылке на далекой окраине... Слова Маркса глубоко взволновали меня. Когда я был в Женеве, мне пришлось слушать споры между бакунистами и нечаевцами; я видел, какая глубокая рознь разделяет группы русских революционеров. Неужели нельзя объединить их, создать из них единую могучую силу? Я пришел к убеждению, что только Чернышевский с его сильным и властным умом мог бы справиться с такой задачей. Отсюда вывод: освободить Чернышевского значит подвинуть вперед дело русской революции; это нужно сделать во что бы то ни стало. Решение было принято. Я не сказал о нем ни слова: ни моим заграничным знакомым, ни Марксу. Я быстро собрался и уехал в Петербург. Там я поделился моими планами с двумя-тремя друзьями. Мне доставили средства: 1085 рублей. С этими деньгами я немедленно отправился в Сибирь.

Еду по Сибири. В моих бумагах значится, что я ученый натуралист, Николай Николаевич Любавин; что моя задача изучить отдаленнейшие окраины Сибири

По дороге завожу знакомства, собираю разнообразные сведения. Ловлю каждое слово о Чернышевском. Но мои расспросы и разговоры привлекли на меня внимание. Рассказы об «ученом натуралисте» обогнали меня и долетели до Иркутска раньше, чем я приехал туда.

АРЕСТ В ИРКУТСКЕ

— Наконец я в Иркутске. Посещаю заседания общества естествоиспытателей. Знакомлюсь со сведущими людьми. Стараюсь собрать возможно точные сведения относительно обстановки, в которой держат Чернышевского. Много полезных указаний дал мне один купец, часто ездивший на дальний север за пушниной. Что же, в конце концов, узнал я? Чернышевский в Вилуйске, за 950 верст от Якутска. Окружен строжайшим надзором. При нем безотлучно состоят жандармский офицер и два жандарма; в их распоряжении отряд казаков, человек 20. В дневные часы Чернышевский может выходить из своего домика на прогулку. Но после 9 часов вечера домик запирается снаружи. На дальнем севере работает собачья почта. Пользуясь ею, можно при удаче добраться до Охотска. Проникнуть в Вилуйск не легко. За приезжими следят. Необходимо предварительно достать несколько бумаг: от генерал-губернатора к якутскому губернатору, от губернатора — к исправнику, от штаба жандармского корпуса — к тому офицеру, который сторожит Чернышевского. Ясно было, что трудностей впереди много...

Вдруг из Петербурга приходит телеграмма: «По сведениям из Женевы, в Иркутске проживает лицо, подготовляющее побег Чернышевского»...

Я думаю, что «сведения из Женевы» относились к Ровинскому⁶: он действительно был отправлен какой-то компанией в Сибирь для освобождения Чернышевского. Но подозрение пало на меня. Второго февраля 1871 года в Третье отделение полетела из Иркутска телеграмма с извещением о моем аресте.

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ

— Меня держат в комнате при жандармском управлении. Постоянно вызывают к допросу. Жандармы настойчиво добиваются ответа, кто мои сообщники. Конечно, ничего узнать не могут.

Так проходит месяц, другой, третий.. Однообразие обстановки и вынужденное бездействие томят меня невыносимо. Я решил бежать.

Это было в июле 1871 года. Часовой вышел со мной во двор управления и немного отошел от меня. Вдруг, неожиданно для него, я выскакиваю за ворота и пускаюсь бежать по улице. Часовой, молодой парень, бросается вдогонку. Подготовки к побегу не было. Расположение улиц я не знаю. Беспомощно перебегаю из одной пустой улицы в другую. Часовой не отстает от меня.

Наконец чувствую, что совершенно задыхаюсь. Останавливаюсь, поднимаю руки и кричу: — Сдаюсь...

Часовой останавливается в нескольких шагах от меня, прикладывается и хочет застрелить меня.

Спускает курок. Осечка: часовой забыл снять предохранительный пистон. Он спешит достать из кармана настоящий пистон, но второпях роняет его на землю. Ищет, — не может найти. Тогда он бросается вперед, чтобы приколоть меня штыком. Я отскакиваю и кричу: — Не подходи. Мы перебегаем по улице с одного места на другое. Я стараюсь выиграть время, потому что с конца улицы доносится конский топот. Это — погоня. Как потом оказалось, узнавши о моем побеге, несколько жандармов бросились на лошадей и пустились вдогонку.

Всадники показываются в конце улицы. Часовой жалобно молит: — Ведь отвечать буду... Позвольте... Кричу: — Не позволю...

Через мгновение мы окружены всадниками. Дежурный жандарм в бешенстве хочет застрелить меня. Хватается за кобуру... но она пуста: револьвер забыт на столе в дежурной комнате. Он поднимает над моей головой саблю... Я хватаю его за бороду... В этот момент один жандарм, почему-то проявлявший особую ко мне симпатию, по фамилии Черкесов, вдвигает между нами свою лошадь...

Меня ведут обратно в жандармское управление, а оттуда — в губернскую тюрьму. Останавливаясь на мгновение среди тюремного двора. Кругом недавно выбеленные здания. Обвожу их взглядом. Пробежавший мимо арестант поймал этот изумленный взгляд и на бегу насмешливо поет:

— Забелели милова каменны палаты...

Посадили в отдельную камеру. Немедленно получаю сверток, — подарок от «малой каторги». Развертываю платок и нахожу три булки.

К чаю подкинули записку. На ней было нацарапано: «А ежели вздумаете бежать, то лучше через церковь, и у нас есть женское платье...»

Так началась моя жизнь в Иркутском остроге.

Когда Лопатин кончил этот рассказ, часы показывали 12. Считаюсь с поздним временем, он перешел непосредственно к третьему, к последнему, побегу. Второй побег был пропущен. Лопатин подробнейшим образом рассказал о нем позднее, в ночь с 29 на 30 ноября (с 12 на 13 декабря). Чтобы не отступать от естественной последовательности событий, вставляю здесь рассказ о втором побеге.

ВТОРОЙ ПОБЕГ

— Рассказы обо мне дошли до иркутского генерал-губернатора Синельникова. Он приезжал в острог и посетил мою камеру. Первое наше свидание было очень продолжительным. Разговор скоро перешел на нужды Сибири, на необходимые назревшие реформы. Синельников слушал меня с большим интересом и вниманием. Встречи в стенах тюрьмы стали повторяться. Они обеспечили мне расположение начальника края. Отношение начальника отразилось на поведении его подчиненных. Иркутский полицмейстер Бориславский предложил освободить меня из тюрьмы, если я письменно дам честное слово не предпринимать нового побега. Я долго отказывался. В конце концов — дал. Меня немедленно освободили. Вскоре Бориславский оставил место полицмейстера. Его преемник предложил мне повторить обещание. Я уклонился.

Живу на свободе, на одной квартире с доктором Ильиным. Служу в иркутском отделении географического общества. Получаю ничтожное жалованье: 20—30 рублей в месяц. Принимаю участие в «пирушках», которые устраиваются моими сослуживцами. На этих пирушках приобретаю новых знакомых и доброжелателей. Некоторые из них служат в полиции. Они обещают предупредить, если из Петербурга придет приказ отправить меня в ссылку.

Ясно, что в случае такого приказа я должен предпринять новый побег. Знакомые советуют воспользоваться Ангарой, бежать в лодке. Заранее покупаю лодку у сыльного финна. Заготавливаю все необходимое.

В самом начале августа 1872 года меня предупреждают, что пора бежать.

7-го августа в 2 часа ночи отправляюсь в путь. Река несет меня с удивительной быстротой. Да и сам я изо всех сил налегаю на весла. Моя лодочка летит как птица. До рассвета я сделал около 60 верст. Но радоваться рано. Вижу, навстречу идет пароход. Одинокий путник покажется подозрительным; меня задержат... Спешу спрятаться в маленькой бухте около острова... К счастью, гроза пронесится мимо, — с парохода меня не заметили... Когда я сделал 600 с чем-то верст, начались Ангарские пороги.

Каждый порог — это ряд ступеней, пересекающих каменное ложе реки, по этим уступам огромные массы воды и кипящей пены со страшным шумом стремительно низвергаются вниз, крутятся среди торчащих всюду скал. Проскользнуть через порог можно только в некоторых местах; сибиряки называют их «воротами». Провести лодку через ворота может только опытный, бывалый лодман; на Ангаре таких лодманов называют «вождями».

Первый порог носил название — «Пьяный», второй — «Похмельный». Этими прозвищами местные жители как будто хотели подчеркнуть, что только пьяный может сунуться в эту ревущую, крутящуюся пучину.

Подъезжаю к селу, лежащему немного выше Пьяного. Причаливаю к берегу,

иду на площадь. Там ждет меня толпа крестьян. Все смотрят с любопытством, что за человек? Откуда он появился? Подхожу. Спрашивают:

— Чего надо?

— Вождя.

— На чем едешь?

— Вон там, у берега, моя лодка...

— На этом чумане никто не проведет...

Все отказываются. Наконец я спрашиваю:

— Кто же у вас самый искусный вождь?

— Егор Коровин. Да только сейчас он пьет запоем, ехать не сможет...

— Где мне найти Егора Коровина?

— Известно где: в кабаке...

Иду в кабак, начинаю уговаривать пьяного Егора Коровина. Сначала он наотрез отказывается. В конце концов соглашается: за полштофа и полтора рубля денег.

Даю ему вытрезвиться. Останавливаюсь на это время в одной избе. Моя хозяйка — сорокалетняя поляка, замечательная красавица. Наконец отправляемся в путь.

Чем ближе к порогу, тем быстрее течение; лодка как будто катится с горы... Егор оборачивается ко мне и строго приказывает:

— Перестань грести. Клади весла...

— Почему?

— В пороге испугаешься... Ложись лицом вниз...

Я не лег. Шум вблизи порога такой, как будто бешено ревет громадное стадо быков. Лодка скользнула в ворота. Справа рушится на нее гора белой пены, слева надвигаются такие же горы. Лодка вьется между ними как змея, скользит то вправо, то влево среди темных скал, выступающих из кипящей воды: каждую секунду ждешь, что она скроется под водою или вдребезги разобьется о камни... Вдруг ее бег становится медленнее, справа и слева ровная водная поверхность; это значит «Пьяный» остался за спиной.

Так же благополучно проходим через «Похмельный». Егор оборачивается и говорит: «Ну, теперь нужно отдохнуть и опохмелиться...» Пристаем к острову. Егор сразу выпивает весь полштоф. Он, видимо, захмелел, дремлет. Я заставляю его продолжать путь.

Впереди порог «Бык». Мне тоже дремлется. Вдруг дно лодки царапнуло о камень. У меня сорвалось крутое ругательство. Егор поднял голову, открыл глаза, и — вижу — на лице его настоящий ужас... Время объехать порог пропущено. Мы не попали в ворота. Мы среди бушующего порога... Волны бьют и бросают нашу лодку... Егор в одно мгновение преобразился. Теперь это орел. Вытянулся как струна, ни одного лишнего движения, лодка повинуетя ему, как конь хорошему ездоку. Когда, наконец, лодка вылетела из порога, Егор размахисто крестится и говорит:

— Слава те, Господи... Чуть было две души не загубил...

Дальше Егор ехать не может. Расстаемся очень дружелюбно. На прощанье Егор дает мне несколько хороших советов:

— Теперь будет «Падун». Он много опаснее первых. Смотри, не бери никого, кроме Федора Царапки. Слышишь? Возьми, говорю, Царапку, он проведет, он все может, потому что это колдун...

— Где мне найти Царапку?

— На острове. Да он сам тебя найдет.

Продолжаю путь. Вижу, остров. От него отделяется стружок, а в стружке сидит древний-древний старик. Подъезжает и сурово бросает вопрос:

— Куда едешь?

— В село.

— Кого надо?

— Царапку.

— Зачем?

— Вождем.

— Я и есть Царапка.

Причалили к острову. Начинаю уговаривать Царапку. Сначала он отказывается. Потом согласился: — за полтину. Мое весло иаломано. Прошу Царапку продать мне новое весло. Весло дает, а денег взять не хочет:

— Кто же его продает, весло-то...

— Почему не продать? Почему не взять денег? Ведь ты рабочее время на него тратил.

Но Царапка твердо стоит на своем.

— Кто же это в рабочее время весла делает...

Едем к «Падуну». Перед порогом Царапка высаживает меня из лодки: — Вдвоем нельзя... вдвоем не проедем... Иду высоким берегом и вижу: Царапка уже в пороге, лодку залило, видна только голова Царапки, но лодку несет...

Царапка сумел проехать.

Дальше — порог «Долгий». Выше его — большое богатое село. Пристаю к берегу, иду к самой большой избе. Мальчишки говорят мне, что в ней живут три брата, все женатые. Вхожу в избу: мужиков нет, они на покосе, хозяйничают одни бабы. Младшая расспрашивает меня и обещает, что ее муж непременно проведет меня через «Долгий». К вечеру вернулись мужья. Но когда они узнали, что я собираюсь ехать в лодке через «Долгий», они наотрез отказались помогать мне. Младшая из баб упрекает мужа:

— Эх вы, живете весь век у реки, а боитесь порога... Смотри, парень-то какой бравый: он чужой на реке, а ничего не боится...

Мужик начинает колотить жену. Стараюсь прекратить эту сцену. Мир скоро будет восстановлен. Мне позволили переночевать в этой же избе. Утром мужики опять уходят на покос, а молодуха заботливо учит меня:

— Теперь ступай вон в ту высокую избу, в ней живет Кирилл, мужи сильный, оборотистый. Если он захочет, он сумеет провести тебя через порог. Поговори с ним хорошенько, польсти, что ли...

Должно быть, я не сумел «польстить»: из разговора с Кириллом тоже ничего не вышло.

Тогда моя покровительница направляет меня к «седановским почтарям». Она объясняет мне, в чем дело. Иногда из этого села приходится отвозить казенную почту в село Седаново, лежащее ниже, за «Долгим». Для таких случаев пользуются большой, крепкой почтовой лодкой. При ней дежурят почтари. Отлучаться с места и пользоваться лодкой для частных дел они не могут, не имеют права. Придется похлопотать, дать кое-кому немного денег.

Хлопоты увенчались успехом... Один из почтарей провозит меня через «Долгий» в почтовой лодке. Моя лодочка была привязана сзади. Но среди порога бушующие волны начинают сильно колотить ее о камни. Пришлось перерезать веревку: Мы поймали лодку ниже, когда течение вынесло ее из порога.

Следующий порог носит название «Седановская шевера». Хочу искать вождя. Почтарь отговаривает:

— Стоит ли? Проедешь сам...

Он подробно и толково рассказал мне, как надо действовать среди порога. Я легко усвоил это искусство. Все дальнейшие пороги я прохожу самостоятельно, без помощи вождя. Только для одного из них, для самого опасного, мне пришлось взять вождем Семена Ясашиного, про которого говорили, что он «ничего на свете не боится»...

Пороги остались позади. Одной опасностью стало меньше. Могучая река продолжает нести мою лодку с громадной быстротой. Каждый день приближает меня к свободе. Для ночлега останавливаюсь в прибрежных селах. Иногда ночью в лесу. Зверей лесных я не боюсь, люди опаснее. К счастью, слухи о моем побеге еще не дошли до этих берегов. Скоро нагоняю паузок*. На нем везут какой-то груз на Енисей. Перебираюсь на паузок. Им правят два брата. Это были славные ребята, с которыми я быстро подружился.

* речное мелководное судно (ред.).

Паузок доставил меня до Усть-Тунгузки. Здесь я сошел на берег. Мое плавание окончилось. Я сделал по Ангаре около 3000 верст.

Пробираюсь лесом через трудный перевал. Выхожу на Ачинский тракт. Здесь продолжаю путь «на вольных». Вот, наконец, и Томск. Теперь я близок к цели. Крепнет уверенность, что скоро я буду среди моих старых друзей... Скоро-скоро... Но судьба решила иначе.

АРЕСТ В ТОМСКЕ

— Я беззаботно стою в томской гостинице около буфета. Ко мне подходит пристав Лешков, сыщик по призванию.

— Откуда едете? — спрашивает пристав.

— Из Енисейска...

— Кто вы такой?

— Доктор Ильин.

— Прописаны?

— Вы шутите? Я здесь проездом. Прописка не обязательна.

— Могу я видеть ваши документы?

— Конечно. В моей комнате.

Идем в мой номер. Лешков внимательно рассматривает поданный мною паспорт доктора Ильина. Паспорт в полном порядке. Но Лешкову этого мало. Он приглашает меня в полицейское управление, к полицмейстеру. Тот, в свою очередь, направляет к губернатору.

Я горячо высказываю свое негодование:

— Неужели из-за того, что из Иркутска бежал какой-то Лопатин, вы станете задерживать здесь каждого проезжего?

Губернатор смущенно извиняется. Он готов отпустить меня. Но Лешков что-то шепчет ему на ухо. Оказывается, из Иркутска выслана сюда моя фотографическая карточка. Лешков подает ее губернатору. Я начинаю, черта за чертой, разбирать карточку и убедительно доказываю, что этот Лопатин, изображенный на карточке, гораздо более похож на американского президента Линкольна, чем на меня, доктора Ильина...

Губернатор колеблется. Но Лешков снова что-то тихо говорит ему. Губернатор просит меня еще раз заехать в полицейское управление.

Приезжаем. Вижу вызван прокурор. Мне подготовили экзамен. Один из чиновников управления служил когда-то в Енисейске. Мне ставят ряд вопросов об этом городе. Я останавливался там у поручика Соколова. Описываю дом Соколова, прилегающие улицы... Экзамен выдержан. Завязывается беседа. Я занимаю общество веселыми рассказами. Чувствую, что все присутствующие на моей стороне.

Но Лешкова среди них нет: он исчез за какими-то справками. Потом выяснилось, что ему удалось найти человека, только что приехавшего из Иркутска. Это был смотритель городской больницы. Лешков попросил его подробно описать наружность доктора Ильина. Конечно, Ильин нимало не походил на меня; стало ясно, что в полицейском управлении сидит не доктор Ильин, а кто-то другой. Затем Лешков спросил смотрителя, знает ли он Лопатина. — Конечно, знаю, — ответил смотритель. Лешков привез его в полицейское управление. Когда я увидел смотрителя, я понял, что мое дело проиграно, — заператься бесполезно.

Присутствующие были поражены. У прокурора вырвалось восклицание:

— Клянусь честью, я здесь ни при чем...

Началось составление протокола. У меня была одна забота: выгородить доктора Ильина. Я подписал протокол только тогда, когда в нем было написано, что бумаги доктора Ильина найдены мною случайно.

Меня поместили на время в томскую тюрьму. Сидя в одиночной камере, я думал, как бы известить Ильина о случившемся. Письмо было написано. Но кто отправит его? К моей камере часто подходил мальчик, сын тюремного смотрителя. Я видел его через окошечко, прорезанное в двери. Мне он нравился; у него были такие ясные, невинные глаза. Мы стали разговаривать и подружились. Мальчик

обещал, что он никому не покажет письма и немедленно опустит его в почтовый ящик. Я поверил и отдал письмо.

Меня под конвоем отправили в Иркутск. По дороге встретился с Синельниковым.

В Иркутске начались допросы. Когда я рассказал, как проезжал в лодке через Ангарские пороги, мои рассказы показались невероятными. Вызвали лоцмана с порогов. Устроили очную ставку. Лоцман подтвердил каждое мое слово.

Мое письмо к Ильину оказалось в портфеле следователя. Как оно туда попало? Неужели мальчик с невинными глазами обманул меня?

Снова началась однообразная жизнь в Иркутском остроге.

ТРЕТИЙ ПОБЕГ: ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

— Сижу в одиночной камере. На прогулках знакомлюсь с уголовными. Рассказы о моих побегах и приключениях передаются из уст в уста. Они доставляют мне сочувствие «малой каторги». Я не скрываю от знакомых каторжан, что думаю о новом побеге. Каждый готов помочь мне. Успех моего предприятия становится делом чести для всей тюрьмы.

Интересны были советы разбойника Лукаша:

— Беги на Якутский тракт,— говорил он отрывисто и деловито. Попадешь на него через Веселую горку. Перехватить нельзя. Если будет погоня, сверни в тайгу. Если устроят облаву, в тайге легко уйти от нее: у тебя одна дорога, у облавы — десять. Но в тайге понадобится хлеб; не забудь захватить хлеба. Я назову тебе места, где охотно принимают разбойников и беглых. Скажи, что прислан мною. Не проговоришься, что я сижу в тюрьме. Если будут расспрашивать, отвечай так: разбой держит около Иркутска, скоро к вам будет... Не говори этим людям о революции, о своих планах. Таких разговоров они не поймут. Себя назови просто «царьком»...

— Неудобно,— возражал я Лукашу,— я знаю, что в Сибири царьками называют фальшивомонетчиков. Пожалуй, попросят печатать фальшивые ассигнации.

— Попросят, это верно... Ну, так что же... Они будут просить, а ты занимайся критикой.

— Какой критикой?

— Вот какой. Тебе станут показывать фальшивые деньги, а ты говори так: разве это деньги? С такими деньгами каждая баба на базаре задержит; это не работа, нет я не так работаю.

— Так ведь заставят показать мою работу.

— Заставят, это верно. Ну, так что же... А ты продолжай критику. Принесут тебе бумагу и краски, а ты говори: разве это бумага? Разве это краски? С таким материалом никто хороших ассигнаций не приготовит... Потом скажешь, что принесешь собственный материал и скроешься... Ну, да что тебя учить: сам догадаешься, как поступить.

У «малой каторги» были сообщники на свободе. Они также помогали мне. В начале июля 1873 года мне сообщили, что под одним из мостов по дороге на Веселую горку будут держать мешок с крестьянским платьем и хлебом.

10 июня мне удалось в третий раз убежать из иркутского плена.

Меня привели в суд для дачи показаний. Поставили несколько вопросов. Я заявил, что напишу ответы собственноручно. Меня поместили в отдельной комнате; из ее окна я мог видеть крыльцо суда. Из соседней комнаты был выход на крыльцо.

Пишу и вижу: подъезжает всадник, какой-то полицейский; привязывает к крыльцу лошадь азиатским узлом и проходит в суд. Моментально кладу перо. Помню, что остановился на словах:

— Тому следуют пункты...

Прошу у председателя разрешения выйти во двор, чтобы напиться воды. Председатель разрешает. За мной идет часовой. Напившись, возвращаюсь медленным шагом, вразвалку, как человек, истомленный зноем. Но вместо своей комнаты вхожу в соседнюю и быстро прохожу через нее на крыльцо. Писцы, сидевшие в

комнате, с удивлением подняли головы, но никто из них не остановил меня. Очухившись на крыльце, я дернул конец азиатского узла, вскочил на лошадь и вихрем помчался по улице.

Мне нужно было перебраться через речку Ушаковку. Сворачиваю в переулочек, думаю, что он доходит до Ушаковки. Переулок оказывается тупиком. Конец его занят грудой бревен. За ними площадь лесопильного завода, примыкающая к берегу речки. Что делать? Ехать назад? — Нельзя: как бы не столкнуться с погоней. Дорога каждая минута. Нужно во что бы то ни стало ехать вперед. Применяю все средства, чтобы заставить лошадь идти по бревнам. К счастью, лошадь была молодая, сильная. Бревна остались позади. Рабочие с удивлением смотрят на странного всадника, который проносится среди них по свободной площади завода. Я — на берегу Ушаковки. Еду вдоль берега, высматриваю место для переправы. Новое препятствие: предо мною забор, спускающийся под берег до самой воды. Дальше ехать нельзя. Лошадь не хочет идти вниз к воде. Слезаю, сталкиваю лошадь плечом. Через Ушаковку перебрался вброд.

Еду дальше. Вот и мост, о котором мне говорили. Вытаскиваю из-под него мешок с платьем и хлебом. Надеваю на себя крестьянскую сермягу. Покрываю голову сибирским колпаком. Оставляю очки. Привязываю к седлу мешок с хлебом.

Сильная близорукость мешает мне разбираться в обстановке. Я сбился с дороги. Попадаю в топь. С каждым шагом лошадь вязнет все глубже и глубже. Как выбраться из этой грязи? Вижу в стороне лужайку, покрытую яркой зеленью. Направляю туда мою лошадь. Но под зеленью глубокая трясина. Лошадь беспомощно бьется в трясине... Несколько минут я считал себя погибшим... Меня спасает инстинкт умного животного. Напрягши все силы, лошадь выбирается из трясины, напугивает под грязью полосу хрянца и выносит меня по этой полосе из болота.

Продолжаю свой путь наугад, не представляя, куда он приведет меня. Наталкиваюсь на «поскотину». Это часть леса, обнесенная забором. Внутри этой площади пасется скот, забор защищает его от нападения диких зверей. У ворот, ведущих в поскотину, сидит старый пастух. Подъезжаю и спрашиваю:

— Скажи, дедушка, как мне проехать на Веселую горку?

Сибирские крестьяне наблюдательны и недоверчивы. Старик осматривает меня с ног до головы и, в свою очередь, ставит вопрос:

— Зачем тебе, парень, понадобилась Веселая горка?

— Да видишь ли, несколько парней из нашей деревни сговорились устроить там гулянку. Уехали компанией все вместе. Я отстал. Теперь договняю...

— Из какой ты деревни?

Я назвал наудачу одну из деревень, лежащих близ Иркутска. Старик покачал головой:

— Плетешь ты, парень, выдумки, да только неудачно. Из этой деревни сюда дороги нет. Зверь лесной не проберется. Как же ты ухитрился на лошади проехать?...

— Слушай, дедушка: не все ли равно тебе, как я проехал? Ты видишь, я здесь. Богом прошу тебя, помоги мне, Расскажи, как ближе проехать на Веселую горку...

Старик, видимо, догадался, в чем дело. Рассказал.

Через Веселую горку я перебрался на Якутский тракт. Скачу вперед без отдыха. Слышу за собой погоню. Меня преследуют несколько всадников. Помня советы Лукаша, сворачиваю в сторону, в лесистую ложину. Погоня — за мною. Слышу, что преследователи разъехались, образовали цепь. Слышу, как они, подвигаясь вперед, перекликаются между собою. Еду по лесу далеко впереди. Наступают сумерки. Пошел дождь. Голоса всадников звучат более глухо: погоня, видимо, отстает от меня. Наконец голоса совсем затихли: наверное, погоня вернулась обратно. Я тоже остановился. Наступает ночь, в лесу мрак. Дождь льет как из ведра. В стороне раздался вой волков... Этот вой обрадовал меня: воют волки, значит, людей близко нет, значит, облава ушла из леса. Темно, холодно, неуютно... Стою и думаю: что делать? Ехать дальше в глубину незнакомого леса или вернуться в город? В городе есть добрые знакомые, которые не откажутся спрятать меня; в городе остались мои

деньги, которые понадобятся на обратный путь. После некоторого колебания остановился на решении: воспользоваться темнотою ночи и снова пробраться в город.

...Еду по тракту к Иркутску. Впереди у одного из мостов пылает костер. При его свете различаю двух лошадей и несколько человеческих фигур. Ясно, что по дороге расставлены пикеты. Съезжаю с тракта и пускаю свою лошадь мимо пикета во весь опор. Никто не преследует меня. Успокоенный этим, возвращаюсь на тракт и еду потихоньку шагом.

Вдруг моя лошадь схвачена с двух сторон под уздцы. Я попал в засаду. Сторожа начинают спорить между собою. Один из них, видимо, представляет тип «торопыги». Он хочет немедленно, без разговоров, вести меня в полицейское управление, другой сторож — «резонер». Ему хочется расспросить, поговорить, объяснить:

— Ты кто такой? Откуда едешь?

— Я работник; хозяин посылал меня в лес — отвезти хлеб на покос; возвращаюсь обратно.

Торопыга сердится:

— Что ты разговариваешь с ним. Приказано: хватай и тащи в полицию каждого, кто едет.

— Ну, зачем? — возражает резонер. — Нужно расспросить, разузнать... Иначе себе наделаешь работу, да и прохожему человеку, может быть, ни в чем не виноватому, причинишь большую неприятность...

Говорит, а сам в темноте потихоньку ощупывает мой мешок, мою сермягу... Потом поднимает руку и проводит ею по моему лицу. Понимаю: ищет очков. Исследование успокоило его. Он отпускает меня. Торопыга недоволен, но уступает.

Отъехавши шагов на 50, останавливаюсь и кричу:

— Вот вы неожиданно в темноте схватили под уздцы мою лошадь, а у меня — револьвер... Что, если бы с перепугу я начал стрелять то в одного, то в другого?..

— Ну, зачем стрелять? — рассудительно отвечает резонер. — Вот и дальше будут два пикета: один у моста, другой у брода. Ты и там остановись, поговори, объяснись, все будет по-хорошему...

Я принял эти указания к сведению и решил переправиться через Ушаковку на прежнем месте, против лесопильного завода.

Но моя лошадь, напуганная «топью», отказывается идти в темную воду. Оставляю лошадь на берегу и перехожу Ушаковку вброд, пешком. Конечно, промок до костей. Предо мной — высокий берег, засыпанный мусором, место городской свалки. Стараюсь подняться по нему — и вдруг слышу: через забор лесопильного завода перелезают на мою сторону двое караульных. Между ними идет спор. Одни слышал мои шаги, а другой уверяет товарища, что никакого шума не было, что ему померещилось... Я лежу, плотно прижавшись к мусору. Караульные приходят к решению — обыскать берег. Но меня вторично спасает лошадь. Из-за реки донеслось ее громкое ржание...

— Слышишь? — сказал товарищу второй караульный. — Это лошадь Лопатина, он рыщет на той стороне, за рекою, а ты хочешь искать его на нашем берегу?

Оба сторожа, успокоенные, перелезли обратно на площадь лесопильного завода. Я ждал, чтобы затихли их шаги. Затем потихоньку поднялся и проскользнул в темный переулочек.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ПОБЕГА: СКИТАНИЯ В ИРКУТСКЕ

— Я снова на улице Иркутска. Стою и думаю: кто примет и спрячет меня? Перебираю в уме знакомых. Вспоминаю о семье помощника исправника. Он женат; вместе с ним живут две его свояченицы, молоденькие девушки, с которыми я был очень дружен. Знаю, что эти девушки не откажутся выручить меня. Но — как добраться до них?

Пробираюсь по темным улицам, обходя сторожей. Вот и дом, где помощник исправника занимает квартиру во втором этаже. Его двор отделен от улицы высоким забором. Перелезаю через забор, подхожу к крыльцу. Позвонить, подняться наверх и остаться там на ночь — никак нельзя, даже в том случае, если помощник

исправника примет меня. Я знаю, что в нижнем этаже живут две поповны; им слышно все, что происходит во втором этаже; их рассказ о таинственном ночном госте, конечно, облетит весь город... Я останавливаюсь на другом плане. Звоню: горничная, сбежавшая сверху, спрашивает, не открывая двери: «Кто там?» Я называю себя посыльным из Воспитательного дома:

— Наша барыня вашим барышням зубные капли давала... А теперь у нее у самой разболелись зубы. Вот и послала меня, чтобы непременно сегодня же прине- ей обратно зубные капли.

Горничная побежала наверх. Знаю, что сейчас вызовут из кухни Машу. Кухня помещается в отдельном домике, в углу двора. Там хозяйничает кухарка Маша, расторопная поселенка, моя знакомая; к ней из дома проведена проволока... Вижу: в самом деле Маша торопливо бежит через двор. Останавливаю ее на середине двора, кладу руки на ее плечи и быстро говорю шепотом:

— Маша, это я, Лопатин, спрячь меня, потом скажи барышням...

Маша сначала обомлела. Но быстро пришла в себя и провела меня в кухню. При кухне был пустой чулан. Маша закрыла меня в чулане и побежала сказать обо мне барышням. Вернувшись, она подала мне ужин и попросила снять платье, чтобы она могла выстирать его ночью. Скоро я заснул в чулане как убитый.

Утром слышу — по кухне ходит поповна. Беседует с Машей. Ночное купанье не осталось безнаказанным: я схватил сильнейший насморк; мне страшно хочется чихнуть, а боюсь... Наконец не выдержал, чихнул. Поповна насторожилась:

— Маша, кто это у тебя в чулане?

— Кот, барышня. Такой скверный кот: гоню-гоню его, а он непременно каждую ночь проберется в мой чулан...

— Какой же это кот, когда он чихает как человек?

— Да уж такой кот, барышня, особенный кот, — больной, должно быть... Вот так каждую ночь: заберется и чихает, — просто спать не дает...

Поповна поверила, ушла. Маша, по приказанию барышень, кормила меня вкусными обедами. Однажды они прислали мне очки, — сумели достать мой номер.

Помощника исправника все эти дни не было дома. По приказанию губернатора он разъезжал по уезду: разыскивал Лопатина. Наконец он вернулся. Скрывать от него правду было невозможно. Но, узнавши эту правду, он и его жена пришли в ужас. «Барыня лежит совсем черная, как мертвая», — говорила мне Маша, прибежавшая из дома. Помощник исправника пришел в мой чулан.

— Вы понимаете, как будет ужасно мое положение, если обнаружится, что вы скрываетесь в моей квартире, — говорил он волнуясь, — вы должны сегодня же уйти отсюда...

Он был прав. Я не спорил. Я попросил только об одном: дать мне на время бритву, чтобы я мог сбрить бороду.

— Ни в каком случае, — возразил помощник исправника, — сибирские крестьяне почти никогда не бреют бороды; бритый крестьянин будет бросаться в глаза...

Он принес ножницы и собственноручно подстриг мне конец бороды — неровно, зигзагами, чтобы она побольше походила на крестьянскую.

Было очень поздно, когда я покинул дом помощника исправника и снова оказался без приюта, на улице. Куда мне идти теперь?

Когда я в последние дни задумывался над этим вопросом, мне пришел в голову один поляк. Он приехал в Иркутск из прибалтийских губерний. Прекрасно одевался, хорошо держал себя, был принят в лучших домах Иркутска. Вел крупную игру в карты. Говорили, что он играет «нечисто», что именно поэтому всегда остается в выигрыше. Говорили также, что администрация пользуется им как шпионом. Есть дома, куда нельзя послать обыкновенного сыщика. В таких случаях обращались к поляку. Он всюду принят, через него легко узнать, кто бывает в доме, о чем ведутся разговоры. Скоро поляк разбогател и начал какое-то коммерческое дело, сделался купцом. Все это было известно мне еще в те дни, когда я жил в Иркутске на свободе. Приходилось встречаться и разговаривать. Я решил обратиться к этому купцу. Я рассуждал так: он принят в иркутском обществе, но его репутация испорчена; мое обращение к его чести, к его благодетелю польстит ему;

он не откажет, он не захочет обмануть мое доверие... Я подошел к дому, где жил купец. У ворот сидел дворник. «Господа в театре,— сказал он,— подожди...» Мы сели рядом. На мне было крестьянское платье; все-таки сидеть на улице было опасно. Но скоро к дворнику прибежал казачок, служивший у купца. Ему было скучно, хотелось поговорить с кем-нибудь, он позвал меня в переднюю; я занимал его рассказами. Часов в 12 вернулись из театра купец и его жена. Я обратился к последней:

— Наша барыня, из Воспитательного дома, книгу вам давала. Просит вернуть эту книгу...

— Подожди, голубчик,— сказала женщина и прошла вперед, к горничной, которая стала снимать с нее шубу. Купец сразу узнал меня.

— Что вы делаете,— шептал он в ужасе,— вы меня губите...

— Нисколько,— отвечал я также шепотом,— если не будете дураком... Пошли дворника в аптеку, мальчика с поручением, горничную в спальню, потом поговорим... Купец так и сделал. Мой расчет оказался правильным: он согласился приютить меня. Он провел меня на чердак: сам носил туда еду: спал я на медвежьей шкуре.

От купца я перешел к доктору. Здесь мне приходилось целыми днями лежать неподвижно в тесной будке над крыльцом. Только в те часы, когда ни доктора, ни его пациентов не было в квартире, я вылезал из своего убежища и прогуливался по пустым комнатам. Вел длинные беседы с лакеем доктора, преданным, надежным человеком, большим мечтателем. Доктор страшно трусил. Он изложил мне такой план: если меня откроют, я должен сказать, что он, доктор, ничего не знал, что меня устроил в этой квартире лакей; конечно, пострадает,— придется вознаградить его за это крупной суммой. Я протестовал против этого плана. Нужно было уходить от доктора.

Как раз в это время купца посетил губернатор. На купца было возложено деликатное поручение: побывать в нескольких домах,— послушать, что говорят о Лопатине,— выяснить, если возможно, где скрывается Лопатин. Стало ясно, что теперь, после визита губернатора, самым безопасным для меня местом является дом купца: пусть он ищет меня в разных домах Иркутска, а я в это время буду спокойно проживать в его квартире. На этот раз купец поместил меня в кладовой. Наружная стенка кладовой выходила в узкий промежуток между двумя домами, куда никто никогда не заглядывал. Из этой стенки была выломана доска. Если б меня открыли, я сказал бы, что проник в кладовую самостоятельно, через пролом в стенке бем ведома хозяев...

Последним моим убежищем был домик одного поселенца. Меня поместили в подполье. Когда поселенец отлучался по делам, я поднимался наверх, в комнаты, и сидел с хозяйкой. Однажды мы так увлеклись разговором, что не услышали, как к двери подошел посторонний. Дверь стала открываться... Я едва успел броситься в соседнюю комнату, в спальню, и лег там на кровать, лицом вниз. Слышу приезжий здоровается с хозяйкой, как свой человек. Затем он заглянул в спальню, подошел к моей кровати и хлопнул меня по плечу. Вероятно, он принял меня за хозяина. Я поднял голову и, смеясь, взглянул на него. Вдруг у него вырывается восклицание:

— Он самый и есть... И тут не утерпел... Засмеялся...

Он быстро вышел из комнаты, я слышу, как он говорит хозяйке:

— Слушай, кума... Я узнал его: это — Лопатин. Ведь у нас по всем селам разъезжал чиновник от губернатора. Созывал мужиков, рассказывал о Лопатине, описывал приметы... Под конец он сказал нам: не забудь главной приметы: что бы ни случилось с этим человеком, он всегда смеется... Вот и сейчас он засмеялся. Да ты не пугайся, кума: я ни вам, ни ему не злодей. Кланяйся хозяину. Прощай.

Это был писарь из далекого села. Он поспешил оставить дом, когда узнал, что в нем скрывается Лопатин.

Нужно было во что бы то ни стало выбраться из Иркутска. Мои друзья подготовили все необходимое для продолжения побега. Куплены лошадь и телега. Они

ждут меня на той стороне Ангары. Как перебраться через реку? По ней ходит паром, но мы знаем, что там установлено строгое наблюдение за всеми проезжающими; показаться на пароме — значит добровольно отдаться в руки сыщиков.

Помог один разговор. Эта подробность показывает, с каким сочувствием отнеслись к моему делу люди, совершенно незнакомые со мною.

Был у меня в Иркутске верный друг, одна из служащих Воспитательного дома. Звали эту женщину Татьяна Флорентовна. О нашей дружбе знали многие. Сидит Татьяна Флорентовна в клубе. За соседним столиком беседуют два обывателя. Говорят так громко, что Татьяна Флорентовна слышит каждое слово.

— Не понимаю я этого Лопатина... — рассуждает один из собеседников, — ведь какой вор-парень, — сметлив, ловок, а не может догадаться, как перебраться через Ангару...

— Поневоле призадумался, — возражает другой, — раз известно, что на пароме день и ночь дежурят сыщики.

— Зачем ему паром? Можно переправиться в лодке.

— Все лодки на учете. Где взять лодку?

— Да хоть бы у меня... Мой дом на берегу; около дома всегда стоит лодка.

— Но где весла?

— Весла рядом... Как только откроешь калитку в мой двор, тут же, около калитки, и стоят весла...

Татьяне Флорентовне было ясно, что эти люди искренно хотят помочь мне. Она передала мне каждое слово. Я воспользовался указаниями, переехал Ангару и отослал лодку с мальчиком на прежнее место.

Скоро я лежал в своей телеге, лицом вниз, притворяясь совершенно пьяным. Крестьянин, сидевший за кучера, жестоко ругал меня за пьянство, а я мычал что-то невнятное... В таком виде мы проехали мимо полицейских.

Когда отъехали от города, крестьянин отдал мне возжи и вернулся в свою деревню. Я присоединился к большому обозу и спокойно продолжал путь до Томска. Все принимали меня за крестьянского парня; на одной из станций исправник приказал мне вынести его чемодан; я исполнил приказание.

От Томска до Тюмени проехал на пароходе. Очень беспокоил меня один спутник. Он все время приставал ко мне с расспросами. Я готов был принять его за сыщика. Но, когда несколько позднее я столкнулся с ним на улицах Петербурга, он оказался ветеринаром.

В Петербурге я позвонил в квартиру знакомых курсисток. Горничная нехотя впустила крестьянского парня в переднюю. Она была страшно поражена, когда ее барышни радостно бросились мне на шею.

Позднее мне рассказывали, как обрадовался Маркс, когда до него донеслось известие об удачном побеге; он бросился к своей дочери Элеоноре, с которой я был очень дружен, схватил ее за обе руки и начал, как маленький, кружиться с ней по комнате...

Когда Лопатин кончил, было три часа ночи. Я ушел в свою комнату, чтобы немедленно записать рассказ.

28 ноября (11 декабря)

Рано утром Лопатин исчез из виллы. Вернулся за час до завтрака. Когда я спросил у него, где он был, он ответил:

— Все время на «горе Тиберия».

Эта гора находится на восточном берегу острова. Из глубины моря поднимается здесь совершенно отвесная стена, в 340 метров высоты. На ее вершине 1900 лет тому назад по приказанию римского императора Августа был выстроен дворец. Стены его сложены из особенного кирпича, тонкого, как пряники, и такого крепкого, что 19 столетий не могли изменить и разрушить его. Сохранился ряд комнат; сохранился даже мозаичный пол в столовой. В этом дворце преемник Августа император Тиберий провел последние 10 лет своей жизни. Отсюда название «гора Тиберия».

Мы стали перебирать воспоминания, связанные с дворцом Тиберия. Я передал Лопатину некоторые из рассказов римского историка Светония, писавшего в начале второго века нашей эры:

Когда Тиберий переселился на Капри, ему было уже 68 лет. Но он был еще очень силен и крепок. Природа наделила его железным организмом, которого долго не могли разрушить никакие излишества. В молодости он так много пил, что насмешники стали называть его не Тиберием, а Биберием, пьяницей. Другим его пороком были половые излишества. По его приказанию из всех стран, подвластных Риму, привозили на Капри самых красивых девушек, самых красивых юношей и мальчиков. Они должны были развлекать императора. В тенистых рощах и пещерах Капри устраивались в его присутствии особые представления: на них воспроизводились самые соблазнительные из сцен, созданных греческой мифологией. Такими зрелищами старый император старался оживить в себе угасавшую чувственность. В комнатах дворца происходили оргии, которые Светоний и другой римский историк Тацит называют «чудовищными»...

Этот же дворец был местом пыток и казней. Каждый день производились приговоры и придумывались жестокие наказания. Много ужасных, потрясающих историй могли бы рассказать эти древние стены. Некоторые из казней были придуманы самим Тиберием. Вот одна из них: осужденного заставляли выпить много вина; затем туго перевязывали мочеиспускательный канал; скоро боли от задержки мочеиспускания становились невыносимыми; несчастный умирал в страшных муках.

— На Капри, — говорит Светоний, — до сих пор показывают место, где император производились казни. Отсюда он в своем присутствии приказывал бросать осужденных в море; после долгих и утонченных пыток. Отряд матросов баграми и веслами подхватывал падавшие тела и добивал их окончательно..⁷

Лопатин долго стоял на этом месте казней. Оно лежит в нескольких шагах от наружной стены дворца. Каприйцы дали ему название «прыжок Тиберия».

По соседству среди виноградника приютился беленький домик. Из его окон открываются дивные виды: с одной стороны глубоко внизу расстилается Неаполитанский залив, опоясанный цепью городов и местечек; с другой — простор Средиземного моря. Здесь всегда можно получить стакан хорошего виноградного вина; здесь весь день дежурят юноша и девушка, готовые в любой момент исполнить по заказу посетителя народный итальянский танец — тарантеллу. В этом домике Лопатин отдохнул от тяжелых впечатлений, навеянных стенами древнего дворца.

После завтрака Горький предложил сделать прогулку на южный берег острова.

Мы спустились к берегу по «дороге Круппа». Интересна ее история. Двадцать лет тому назад на этом месте высилась отвесная скала. В те годы у берегов Капри иногда останавливалась собственная яхта германского «пушечного короля» Фридриха Круппа. Он приезжал сюда для отдыха. Однажды ему захотелось сделать обитателям острова подарок. Он приказал прорубить в каменной толще спуск на южный берег. Сказано — сделано. Вдоль отвесной стены протянулась широкая удобная дорога. Все расходы были оплачены Круппом. Каприйцы назвали этот спуск «дорогой Круппа».

Во время прогулки Лопатин рассказывал о своих знакомых. Среди них было много крупных, выдающихся людей. Горький, между прочим, спросил его, кто из них был самым интересным, самым содержательным собеседником.

Я запомнил ответ Лопатина:

ТРИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СОБЕСЕДНИКА

— Среди моих знакомых были три человека, которых можно было слушать без усталости, без конца.

Один из них профессор *Зинин*. Сначала он занимался математикой и читал лекции по механике. Потом увлекся химией. Сделал в этой области крупные открытия. Его работы положили начало ряду новых производств. Исследуя соединения нитробензола, Зинин первый приготовил анилин. Значение этого открытия было громадно. Пользуясь методом Зинина, химики скоро открыли десятки разнообразных анилиновых красок. Получилась возможность воспроизводить все цвета, все их

оттенки и переливы, какие мы наблюдаем в природе. Прежние дорогие краски растительного или животного происхождения, такие, как маренго, кошениль или пурпур, были вытеснены, отошли на второе место. Произведен переворот в красильной промышленности. Созданы новые производства. Продолжая исследования, Зинин первый получил искусственным путем чесночное масло. Его работы над эфирами также вызвали к жизни много новых производств. Если бы Зинин лично применил свои открытия к области промышленности, он мог бы нажить десятки миллионов. Но он несколько не интересовался денежной стороной дела. Его влекли к себе высшие достижения человеческого духа — в области мысли и в области искусства. Кроме математики и химии, он занимался биологией и сравнительной анатомией. Хорошо знал все литературы. Увлекался музыкой, живописью и скульптурой. Следил за новыми теориями в области истории и социологии. Говорил блестяще, в то же время просто. Умел в увлекательной форме передать своим слушателям все, о чем читал, о чем думал. Его беседы были разнообразны, но всегда содержательны. При этом — никакой авторитарности, никакого учительства: слушатели чувствовали в нем доброго товарища — и только.

Среди слушателей были такие ученики, как Бутлеров и Бородин⁸.

Второй собеседник, которого я имел в виду, это — *Герцен*. Рассказывать о нем не стану. Он отразился в своих книгах, хорошо всем известных.

Третий собеседник, производивший на меня неизгладимое впечатление, был *Маркс*. Я уже говорил вам о моем отношении к Марксу. Его беседы всегда поражали и всегда увлекали меня. Поражали бесконечным обилием и разнообразием фактов, взятых из всех областей знания. Увлекали богатством и глубиной новых идей, которые, как лучи солнца, освещали и пронизывали эту огромную массу фактов. Когда Маркс говорил, мне становилось ясно, что этот человек гораздо богаче, многограннее и глубже того, что успел сказать людям в своих книгах.

Память у Маркса была поразительна.

С этой памятью тесно связана его исключительная способность к усвоению языков. Он хорошо владел древними языками; у него вошло в привычку ежегодно перечитывать по-гречески драму Эсхила «Скованный Прометей»⁹. Он свободно читал на всех новых европейских языках. Говорил по-немецки, по-французски и по-английски. Писал на этих языках статьи и книги. Писал так, что поражал читателя знанием всех тонкостей и оттенков чужого языка. Он часто повторял, что знакомство с чужим языком есть оружие в жизненной борьбе. Марксу было около пятидесяти лет, когда он принялся за изучение русского языка. Ему хотелось в подлиннике читать те документы, те материалы о России, которые тайно пересылались за границу противниками царского режима. Русский язык страшно труден для иностранцев. Однако не прошло шести месяцев, как Маркс уже читал русские книги. Он высоко ценил Пушкина, Гоголя и Салтыкова-Щедрина. В разговорах со мною нередко приводил цитаты из этих писателей. Случалось, что он подавал мне длинный список русских слов, которые затрудняли его. Я начинал разбирать список. Что же оказывалось? Из десяти слов, записанных Марксом, восемь непонятны мне самому.

Знание языков помогло Марксу основательно овладеть сокровищами мировой литературы. Он читал их в подлиннике. Он каждый год перечитывал ряд художественных произведений, выбирая их из всех литератур. В области трагедии он ставил на первое место Эсхила и Шекспира. В его семье Шекспир был предметом настоящего поклонения. Не только Маркс, но и все его дочери знали Шекспира наизусть. Из великих эпических поэтов он выше всех ценил Данте. Любил шотландского поэта Бернса. Знал наизусть большинство стихотворений Гейне и Гете; постоянно цитировал их в разговоре. В часы отдыха Маркс любил читать романы. Он сам обладал богатым воображением. Ему нравились романы, где он мог найти много движения, много приключений, богатство вымысла и юмор. В его руках часто можно было видеть книжки Фильдинга, Александра Дюма-отца и Вальтер Скотта. Лучшими романистами Маркс считал Сервантеса и Бальзака. Когда он узнал, что я незнаком с Бальзаком, он заставил меня внимательно прочесть книги этого писателя. Он говорил, что это — история эпохи, что в романах Бальзака отразилась

вся современная ему Франция, все главные типы: по его мнению, Бальзак отметил даже такие типы, которые в его время существовали только в зародыше, которые проявлялись в полном развитии много позднее, после смерти Бальзака, в эпоху Наполеона Третьего.

Я хорошо сошелся со всей семьей Маркса. Интересны были его отношения с детьми. Это был самый нежный, самый любящий отец. У него было три дочери. Когда они были маленькими, он играл с ними, рассказывал им сказки, сочинял для них бесконечные занимательные истории. Он никогда ничего не приказывал детям. Он только просил, только советовал. Зато его влияние на детей было безгранично. Дети видели в нем товарища и друга. Слово Маркса, мнение Маркса было для них законом.

Я первый начал переводить «Капитал» на русский язык. Эта работа была поводом к ежедневным беседам с Марксом. Изложение первой главы показалось мне запутанным и трудным. Я откровенно сказал об этом Марксу. Он согласился со мною и обещал, что первая глава будет переделана. Поэтому я начал перевод прямо со второй главы¹⁰. Вот хороший пример удивительной терпимости Маркса; он вообще был менее авторитарен, чем Энгельс. Другим поводом к беседам был интерес Маркса к России. Это был широкий, гибкий ум, всегда открытый для каждого нового факта. Он искал этих фактов не только в книгах, но и в разговоре. Он ловил их на лету и сейчас же делал из них свои выводы. Он постоянно расспрашивал меня о России и с величайшим вниманием слушал мои ответы и рассказы. В споре Маркс был страстен. Но, когда пред ним был оппонент, которого он ценил, он проявлял поразительное терпение и не жалел ни времени, ни усилий, чтобы лучше выяснить и доказать свою мысль, хотя бы для этого пришлось перебрать много томов. Так бывало иногда при споре с Энгельсом. Маркс много раз излагал мне свои основные идеи. Он видел, как глубоко они захватывают меня. По его предложению, я был избран в члены Генерального Совета Первого Интернационала¹¹. Однажды он сказал мне:

— Вы единственный человек, которому я доверил бы популяризацию моей теории...

Продолжая прогулку, Лопатин рассказал еще несколько фактов о других знакомых:

Салтыков, по его словам, проверял план похищения Чернышевского.

Тургенев однажды описал ему Чернышевского в таких словах: «Тонкий, пискливый голос, долбит в одну точку и упорно всех сгибает...»

В конце обеда принесли афишу из кино. На Капри раз в неделю доставляли из Неаполя новый фильм. Такие дни были праздником для обитателей маленького острова. Горький всегда ходил посмотреть новые картины. На этот раз на афише стояло напечатанное крупными буквами слово «МАЗАНИЕЛЛО». Лопатин сказал, что ему было бы интересно посмотреть каприйское кино. Отправились всем обществом. На картинах проходили перед нами сцены восстания, вспыхнувшего в Неаполе в 1647 году. Городом владели тогда испанцы. Вице-король назначил большой налог на предметы первой необходимости, на зерно и овощи. Народ роптал и волновался. Достаточно было ничтожного предложения, чтобы вспыхнуло восстание. Во главе его встал смелый амальфитанский рыбак Томазо Аниелло, которого обыкновенно называли Мазаниелло. Мы видели бой на улицах... С одной стороны — испанские солдаты, прекрасно вооруженные, закованные в сталь; с другой — огромные толпы восставшего народа, наступавшие со всех сторон, как волны. Испанцы были загнаны в замок. Начались переговоры. Образовалась неаполитанская республика... В конце концов испанцы отчасти хитростью, отчасти силою ликвидировали восстание.

Когда мы вернулись из кино на виллу Горького, завязался разговор о ликвидации «Народной воли». Лопатин рассказал несколько моментов из истории дела.

ДОПРОСЫ: ДУРНОВО, ОРЖЕВСКИЙ, Д. А. ТОЛСТОЙ

Меня арестовали 5 октября 1884 года. Суд состоялся только в мае и в июне 1887 года. Пришлось до суда просидеть два с половиной года в Петропавловской крепости.

Однажды в начале следствия меня привели в кабинет начальника Департамента полиции — П. Н. Дурново. Он несколько нерешительно обратился ко мне:

— Не знаешь, как говорить с вами... Лестью вас не возьмешь, это я знаю. Запугать тоже нельзя, потому что знаете исход... Может быть, добровольно согласитесь побеседовать со мною? Мне хотелось бы задать вам один вопрос.

— Хорошо. Спрашивайте.

— Чем можете оправдать террор?

— У нас нет тюрем, чтобы избавить общество от вредных членов...

— Вот как... Вы говорите, как посол иностранной независимой державы.

— Так оно и есть. Мы другая держава. Между нашей державой и вашей державой идет война. Вы убиваете нас, мы убиваем вас. Я — ваш военнопленный.

Дурново предупредителя. В кабинет входит Зволянский. Дурново представлял его мне как своего помощника.

В другой раз меня привели в комнату, где сидели двое. Я спросил:

— С кем имею честь?..

Один из сидевших назвал себя и товарища. Это были: шеф жандармов Оржевский и министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой. Оржевский сказал:

— Нам хотелось бы получить от вас по одному вопросу совершенно откровенный ответ...

— Хорошо. Я отвечу...

— В вашей комнате нашли две бомбы. Для кого назначались они?

— Одна — для графа Дмитрия Андреевича...

У Толстого мгновенно перекошилось лицо. С искривленным ртом он медленно проговорил:

— Неужели вы думали, что после моей смерти на мое место не нашли бы другого?

— Нашли бы... Знаете пословицу — свято место пусто не бывает... Чтобы не обращаться к другой, менее приличной...

— Какой это?

— Было бы болото, — черти найдутся... Но, — прибавил я, — человека с такой мертвой хваткой нашли бы не скоро...

Оржевский продолжал вопрос о бомбах:

— А другая?

— Другая — для Константина Петровича...¹²

В СУДЕ

Смертный приговор я считал неизбежным. Смерти я не боялся. Но страшно мучило воспоминание о захваченных при мне адресах. Мучила мысль, что я невольно предал товарищей. Как оправдаться перед ними? Я думал дни и ночи; не находил себе места. Я думал так: старший офицер партии должен умереть красиво; это — последняя услуга, какую он может оказать своей партии. Что же я должен делать перед смертью? Мне стало ясно: я должен подробно рассказать товарищам, как меня взяли, почему не было никакой возможности спасти адреса. Но я встречусь с товарищами только в зале суда. Следовательно, я должен воспользоваться для моей исповеди заседанием суда.

Наконец наступил день, которого я столько времени ждал. Мы в зале суда. Я среди моих товарищей на скамье подсудимых. Идет заседание... Я поднимаюсь, обращаюсь к товарищам и начинаю рассказывать, как меня взяли. Председатель суда, отставной генерал, хочет остановить меня. Я поворачиваюсь к председателю:

— Вы — бывший офицер. Вы понимаете, что такое честь. Вы не должны мешать, когда умирающий хочет снять пятно со своей чести...

У меня вырвалось рыдание. С одним из подсудимых — истерика. Председатель не нашел в себе силы остановить меня. Я закончил рассказ.

ПОПЫТКИ ЗАПУГАТЬ

Четвертого июня 1887 г. состоялся приговор: пятнадцать подсудимых, в том числе я, были приговорены к смертной казни. Три недели мы жили в ожидании смерти. Вдруг объявляют об отмене: смертная казнь заменена бессрочной каторгой.

Мне сообщили, что я буду отбывать каторгу в Шлиссельбургской крепости. Жандармский полковник пытается запугать меня:

— Имейте в виду, что в Шлиссельбурге всем заключенным говорят ты.

— Отвечу тем же.

— Но за грубый ответ полагаются розги.

— Это не наказание. Это просто насилие одной стороны над другой. Такое насилие не лишает чести. У нас с вами нет общего кодекса чести. Отвечу тем же?

— Вы хотите ответить насилием? Но к чему приведет оно? За грубость наказывают розгами; вы сами понимаете, что полагается за удар или за пощечину...

— Конечно, понимаю. Смерть? Я только смерти и добиваюсь...

Этот разговор, вероятно, был передан шлиссельбургскому начальству. Со мной были вежливы.

В первые дни попробовали отнять очки. Я перестал есть. В конце третьих суток очки были возвращены мне.

На стене моей камеры висела инструкция; в ней упоминалось о розгах. Я не обращал на нее внимания. Но когда пригрозили, что розги будут применены к Людмиле Александровне Волкенштейн, я сорвал инструкцию. Ее повесили снова. Я сорвал ее снова. Началась молчаливая борьба. Начальник тюрьмы не решался применить, на свой страх, крайней меры. Было вызвано какое-то начальство из Петербурга. Победа осталась за нами: о розгах мы больше не слышали.

Однажды мою камеру посетил Дурново. Он задал какой-то вопрос о моей жизни в крепости... Я, в свою очередь, вежливо осведомился о его работе:

— До сих пор все успокаиваете?

Дурново поспешил прекратить этот обмен любезностями.

— Сколько же лет вы пробыли в крепости, в Петропавловской и в Шлиссельбургской вместе? — спросил кто-то из присутствующих.

— Двадцать один год: с 5 октября 1884 года до 28 октября 1905 года.

Разговор перешел на дело Каракозова. Каракозов стрелял в Александра II 4 апреля 1866 года. Лопатин состоял тогда студентом Петербургского университета; был близок с некоторыми членами каракозовского кружка. Горький спросил его, где и как был казнен Каракозов. Вот ответ Лопатина.

КАЗНЬ КАРАКОЗОВА

— Каракозова повесили на Смоленском поле. С каждой стороны дороги стояли три ряда солдат. За ними огромные толпы народа. Дорога ведет к высокому помосту. По нему прохаживается палач. Впоследствии я узнал, что этот палач кончил свою жизнь монахом Соловецкого монастыря. На дороге показывается тележка. Каракозов посажен на ней спиной к лошади. На его груди доска с надписью — «цареубийца». Голова его бессильно болтается из стороны в сторону. В толпе говорят, что его пытали лишением сна. Каракозов поднимается на помост. Кланяется на все четыре стороны. Целует крест. Палач набрасывает на него саван, надевает на шею петлю. Затем кладет руки на его плечи и вышибает из-под ног скамейку. Помощники палача тянут веревку вверх...

Прошло два часа, Лопатин обратился к Горькому:

— Теперь, Алексей Максимович, очередь за вами: вы должны рассказать мне, как вы сделали писателем.

В интересах будущих биографов, я записал этапы, по которым Горький вел свой рассказ:

— Служба на Грязе-Царицынской дороге.— Пешком в Ясную Поляну к Толстому, оттуда в Москву.— В Нижнем прогулки с Каровиным.— Пешком по России.— Вывод в Кандыбовке.— Бунт в Майкопе.— Искушение в Петлянской.— Прибытие в Тифлис.— Жизнь с Калюжным.— Служба на железной дороге.— Первый рассказ в 1892 году.— Опять в Нижнем.— «Челкаш» у Короленко.— Самара, работа в газете.

Мы разошлись по комнатам в пятом часу утра.

29 ноября<12 декабря>

Сегодня один из тех мрачных дней, какие изредка бывают на Капри в зимние месяцы. С утра летит дождь. Небо в тучах. Непривычная темнота. Над островом свищет ветер. Залив в белой пене. Пароход, доставивший пассажиров из Неаполя, не может уйти обратно и будет стоять до утра под прикрытием острова.

С этим пароходом приехал Герман. Это — партийное прозвище Николая Евгеньевича Буренина. Он часто исполняет роль посредника между Горьким и некоторыми руководящими членами партии.

Плохая погода заставляет отказаться от мысли о совместной прогулке. Лопатина отзывают в свою аудиторию рабочие. Им хочется услышать подробный рассказ о Марксе, о беседах с Марксом. Лопатин проводит среди них большую часть дня.

В пятом часу по вилле начинают разноситься звуки пианино. Играет Буренин. Он прекрасно исполняет своего любимого композитора Грига. Собирается кружок слушателей. В шестом часу к этому кружку присоединяется Лопатин.

Весь вечер этого дня был посвящен литературе. Говорили Горький и Лопатин. Это были воспоминания об авторах прошлого, хорошо знакомых Лопатину. Один за другим, были разобраны: Лесков, Крестовский, Лермонтов, Потебня, Овсяннико-Куликовский и другие.

Отъезд Лопатина назначен на завтра. Это — последняя ночь. Неужели он не вернется к рассказам о себе самом, о своем прошлом? В первом часу я решаюсь напомнить ему, что после первого побега он перешел непосредственно к третьему. Лопатин начинает рассказ о побеге в лодке.

Ни разу за эти дни Лопатин не говорил так увлекательно, так ярко. Рассказ всецело захватывает слушателей. Мы с напряженным вниманием следим, как смелый путник проносится в маленькой лодочке чрез кипящие, ревущие пороги Ангары, как он пытается ускользнуть из цепких рук томского сыщика Лешкова...

Вернувшись в свою комнату, я немедленно записал рассказы этой ночи. Они помогли заполнить пробел между первым и третьим побегами, помогли восстановить Иркутскую эпопею в целом.

Надеюсь, мне извинят, что в настоящем очерке я перенес рассказы этой ночи на 27 ноября, чтобы изложить все три побега в связи, в хронологическом порядке.

30 ноября<13 декабря>

Вернулась хорошая погода. Вернулась обычная каприйская обстановка: сияющий день, безоблачное небо, голубое море и веселые песни над островом.

Лопатин уезжает. Горький обнимает его и просит приехать снова:

— Всегда приму как отца... — говорит он.

Я провожаю Лопатина до парохода, который стоит в 200 метрах от берега. Всю дорогу уговариваю писать воспоминания. Лопатин не хочет.

Моя лодка еще качалась на волнах, когда пароход медленно и плавно, как лебедь, двинулся по направлению к Сорренто. Лопатин, высокий, крупный, стоял на корме, махал шляпою, кричал какие-то прощальные слова и, как всегда, — смеялся...

Было грустно, что он уезжает.

Было радостно при мысли, что пришлось провести несколько дней в общении с талантливым, многогранным человеком, со старым революционером, бесстрашным участником героической борьбы против русского самодержавия, которую в конце прошлого века вела партия «Народной воли».

Остров Капри.

26—30 ноября <9—13 декабря> 1909 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лопатин находился в Шлиссельбургской крепости с 1887 г. по октябрь 1905 г. С момента ареста в октябре 1884 г. до окончания «Процесса 21-го» в июне 1887 г. он пробыл в Петропавловской крепости и доме предварительного заключения.

² Богданов вел в каприйской школе курс политической экономии. Луначарский преподавал историю германской социал-демократии, теорию и историю профессионального движения, прочитал курс всеобщей истории искусства (*Арх. Г. Т. XIV. С. 46*). Горький читал курс истории русской литературы. О каприйской школе см. переписку с Амфитеатровым за 1909 г.

³ См.: Из Дневника Пятницкого, прим. 17.

⁴ Очевидно, Горький читал главы из второй части «Городка Окурова». В ноябре 1909 г. он писал Ладыжникову: «...посылаю конец „Городка“. Общий заголовок: „Городок Окуров“. Хроника» (*Арх. Г. Т. VII. С. 199*).

⁵ Маркс высоко ценил деятельность Н. Г. Чернышевского и его философские труды. Он отмечал, в частности, что «банкротство буржуазной политической экономии... мастерски выяснил уже в своих „Очерках политической экономии (по Миллю)“ великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 17—18*).

⁶ Речь идет о П. А. Ровинском, члене партии «Земля и воля», который принял поездку в Сибирь и Китай якобы для сбора этнографических материалов, однако главной целью его путешествия было собирание сведений о Чернышевском и, по возможности, принятие мер к его освобождению. См.: *Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала»*. М., 1983. С. 49.

⁷ Очевидно, Пятницкий передает историю, рассказанную Гаем Транквиллом Светонием (ок. 70 г.—ок. 140 г.) в его труде «Жизнь двенадцати цезарей». В ЛБГ хранятся два экземпляра книги Светония изд. А. С. Суворина (СПб., 1904) (с пометами Горького) и «Жизнеописание двенадцати цезарей» (М.: Academia, 1933). (*Описание*).

⁸ Ученики Зинина: Александр Михайлович Бутлеров (1828—1886) — русский химик-органик, основатель казанской научной школы. Академик. Александр Порфирьевич Борodin (1833—1887) — русский композитор и ученый-химик, автор многих трудов по органической химии.

⁹ Речь идет о трагедии Эсхила «Прикованный Прометей».

¹⁰ См. также статью Н. И. Дикуншиной «Один из талантливейших русских людей».

¹¹ Лопатин был избран в члены генерального Совета Первого Интернационала в 1870 г.

¹² К. П. Победоносцева.